

16+

Игорь Мерцалов
Я, Чудо-юдо
юмористическое фэнтези

Игорь Мерцалов

Я, Чудо-юдо

«Автор»

2006

Мерцалов И. В.

Я, Чудо-юдо / И. В. Мерцалов — «Автор», 2006

Возопите горестно и направьте прочь бег своего судна! Да не прельстят вас рассказы о магических сокровищах, не соблазнят посулы лживых колдунов, и да не ступит ваша нога на берег острова Радуги! Ибо там встречу вас я, страшное и грозное Чудо-юдо незаконное... с друзьями! Невероятные приключения "попаданца" в почти сказочной вселенной. Молодой дизайнер рекламного агентства оказывается в шкуре хранителя волшебного острова. Его друзьями становятся кот Баюн, идейно выдержанный немецкий рыцарь, бывший раб викингов и бойкая дочка русского купца. А врагами - могущественные колдуны и пронырливые авантюристы со всего мира.

© Мерцалов И. В., 2006

© Автор, 2006

Содержание

ГЛАВА 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Игорь Мерцалов

Я, Чудо-юдо

ГЛАВА 1

Отплываем в теплый край навсегда.
Наше плавание, считай, – на года.
Ставь фортуны колесо поперек,
Мы про штормы знаем все наперед.
В. Высоцкий.

Штормило.

Уже который вечер волны, разгоняясь на мелководье и облекшись в кипящую пену, сотрясали берег громовыми ударами, подтачивали скалы, ворочали валуны, которые и я-то с трудом поднимал, а в просвет между камней врывались, что твои буйнопомешанные, хлестали по древесным стволам и пытались пробиться к сердцу острова.

А сегодня с утра еще и дождь пошел, и ветер как-то враз промозглым сделался. Тоже мне юг... Вот про такую погоду и говорят: лапы ломит, хвост отваливается. И, знаете, отнюдь не напрасно говорят.

Хвост действительно отваливался – да хоть бы насовсем, ан нет, он только намерение такое изъяслял единственно доступным способом, то есть плохо гнулся, ныл и делал вид, будто его вот-вот скрутит судорога. Мерзкая погодка, и конца ей не видать.

Покинул я балкон, ежась и топорща шерсть на сквозняке, миновал большую горницу, огромную, пустую и холодную, которую мы называли каминным залом. В роли камина выступал открытый очаг. Мало того, что вещь сама по себе не очень практичная, так еще и терем старый, щелястый. Чтобы протопить его с помощью очага, понадобилось бы извести на дрова всю растительность острова.

Нет, внешне терем у нас ладный, красивый. Строился на века. Но, видно, эти века вот-вот должны были кончиться.

За дверью имелаась комната, гораздо более пригодная для жизни в любых климатических условиях. Здесь стояла нормальная русская печь, от которой, правда, именно в эту минуту толку было немного, потому что Рудя, конечно, опять не доложил дров. Учишь его, учишь...

Рудя сидел у самой топки и чистил доспехи. Доспехов у него был полный рыцарский набор, плюс запасной комплект, плюс широчайший ассортимент мечей, секир, щитов и прочего железа. Железо было не лучшего качества и при нынешней погоде ржавело буквально на глазах. Так что работы у бедолаги хватало, он даже спал урывками.

– Как там есть [1] ? – спросил он, подняв на меня печальные арийские глаза.

– Все по-прежнему, – ответил я. – Смотайся-ка ты, друг, за дровами, да смотри, не филонь, тащи полную охапку.

Рудя тотчас сосредоточился на правом сабатоне [2], который протирает сухой ветошью изнутри, и заявил, что их благородие нихт понимаютен.

Ага, то есть несчастные три шага до дровяного сарая должен делать я на своих ревматических лапах! Недолго думая я воспользовался предельно интернациональным жестом и продемонстрировал рыцарю кулак. Из-за когтей кулак получился довольно абстрактным, но Рудя проферштейнил.

– Бери кипарисовые, – сказал я ему вслед и сел на лавку подле печи, кряхтя как столетний старик.

Интересно, а вдруг мне и правда сто лет или даже больше? Настоящая проблема одиночек в том, что им не с чем сравнить свое состояние. Нет точки отсчета. Стар я или молод? Хорош или плох? Смертельно болен или здоров как бык? Красавец или урод? Я имею в виду – с точки зрения подобного мне, ибо любой человек насчет последнего высказался бы со всей определенностью, если бы только посмел. Но подобных мне я что-то вокруг не вижу, коту мои внешность и душевные тревоги до лампочки, а точка зрения Руди, мягко говоря, предвзята.

Да, он уже позволял себе прямые высказывания, в последний раз не далее как три дня назад. Но, если честно, я сам виноват. Перебрал я тогда. Вы не подумайте, я вообще-то малопьющий... но на моем острове так трудно сохранить культурный облик... А, черт, не люблю оправдываться...

С обрусевшими немцами отмечать праздники – милое дело. С натуральными, германскими, не знаю, но кто пробовал, говорят, невозможно, скука смертная. Хуже, говорят, только с нашими немцами, которые уехали туда и лезут из кожи вон, стараясь стать тамошними. Но я так скажу: нет ничего ужаснее, чем праздник, проведенный в компании натурального средневекового немца-трезвенника.

Рудя, то есть рыцарь Фатерляндского ордена Рудольф Отто Цвейхорн фон Готтенбург, не всегда был трезвенником. Даже наоборот. В день нашей встречи, к примеру, он был пьян до положения риз. Но именно с того дня, даже с той самой минуты как мы с ним встретились – пить он бросил решительно и бесповоротно. Мучился, памятуя, что для благородного дворянина испытание простой воды сродни публичному посрамлению, но не доверял даже разбавленному вину.

Так, бывало, посмотрит-посмотрит, как я красное потягиваю, уже рот откроет, чтобы попросить, но потом вспоминает что-то, вздрагивает, бормочет: «Ин вино веритас, ин аква салус» [3] и хватается за кубок с родниковой водой.

На компанию кота я надеялся, но четвероногий эгоист весь день шлялся по острову, так что пил я один, хотя и посадил Рудю за стол и даже заставил играть на мандолине. Погода была еще мерзостнее, чем сегодня, настроение – соответственное. Я хмелел и все энергичнее пытался доказать Руде, что 23 февраля – большой праздник, приводил примеры из истории Великой Отечественной войны, а он все мрачнел и мрачнел. Сперва бурчал, что не верит, потом спорить полез. Неожиданно заинтересовался некоторыми идеями из «Майн кампф» и высказываниями Геббельса. Я назвал его фашистской мордой, но он только порадовался, и пришлось мне, скрипя хмельными мозгами, составлять что-то вроде «дойче швайне». Короче, мы чуть не подрались, и его счастье, что я уже был залит вином под завязку, а то бы дело могло кончиться плохо.

У нас с ним и прежде-то отношения были несколько натянутыми...

Грубовато я с ним, наверное. Да что греха таить, груб я становлюсь и хамоват, а ведь никогда таким не был. Напротив, старался не конфликтовать с людьми, не скупился на улыбку. Но... когда на тебя сваливается сила, она что-то меняет в твоей голове. Уверовав в свою исключительность, в счастливую звезду свою, человек часто делается нечуток, стремительно теряет лучшие душевные качества и скудеет умом. Судя по всему, таким же делаюсь и я.

Грустно.

Но, ребята, знали бы вы, как тут скучно! Мореходство зимой, сами понимаете, не очень активное, обещанные англичане всего два раза приплывали. Я уж этой весны жду, как рассола с похмелья, хотя и без каких-либо конкретных соображений. Так, одна лишь мысль туманная: может, взбодрюсь, может, что-то изменится. Может быть, даже найду себе какое-нибудь занятие. Не то чтоб я был трудоголиком, но всегда подозревал, что самый отъявленный лентяй спо-

собен радоваться безделью только в том случае, когда от него что-то действительно требуется. Если же безделье вынужденное, оно доконает его в два счета.

Да и сам Рудя, если честно, виноват не меньше моего. Ведь кто такой он есть? Потомственный дворянин, честный католик, отважный рыцарь, наконец просто красавец, этакий белокурый ангелочек, идеальный образчик арийской внешности. От роду лет двадцати двух (точно он не помнит). По меркам своей среды блестяще образован, то есть ловок в пробивании копьем чужих доспехов, не нуждается в подсказке пастора, чтобы вовремя осенить себя крестным знамением во время мессы, поет и даже иногда слагает баллады, аккомпанируя себе на трех музыкальных инструментах (не за раз, конечно), знает все о конских болезнях, родословной короля и геральдике. Считает кое-как, но разбуди его среди ночи – назовет цены на услуги кузнецов и трактирщиков в любом закоулке благословенного Фатерлянда.

Все так. А кроме того, он – наследный тунеядец, махровый феодал и нацист, каких поискать. Думаете, что такое их Фатерляндский орден? Это не только красивая вывеска, позволяющая беспрепятственно трясти деньги из населения. Это банда крепких ребят, одержимых идеей вывести Германию из-под власти папы, а в идеале – перенести папский трон из Вечного города в милый сердцу Готтенбург (Если перевести дословно, то получается «Город Бога». Остроумно они избрали себе место для штаб-квартиры, правда?). Парни, как я понял, пользуются негласной поддержкой короны и местного епископства, у которого все равно нет никаких шансов сделать карьеру в Риме.

А чтобы не привлекать излишнего внимания бдительных обитателей Ватикана, рыцари Фатерляндского ордена вполне официально продвигают политику юдофобии. Иными словами, в глазах католической церкви это просто компания честнейших антисемитов – ну, может быть, иногда и перегибающих палку по молодости лет да по горячности добрых сердец...

И многие из них, в частности, Рудя, юдофобствовали увлеченно и с полной самоотдачей. Он и на моем острове, кстати, очутился именно через юдофобство свое. Знаете, как дело было? Повстречался как-то Рудя в порту на острове Фёр с неким франкским мореплавателем. Куда-то он там намылился по орденским делам, в Швецию, кажется. Нужен ему был срочно корабль, чтобы махнуть через пролив Скагеррак. И вот, пока готовились к отплытию, этот Синдбад местного разлива, тоже юдофоб, сидя в таверне, порадовал моего Рудю рассказом, услышанным от новгородских мореходов: будто бы есть где-то в морях, в океанах чудо чудное, диво дивное, земля тайная – Чудо-юдин остров...

Чувствуете созвучие? Ну да, трудно поверить. Я, собственно, до сих пор не знаю, кто из них так хорошо знал русский язык, а кто просто тупил (Рудя не сознается), но бравый ариец вынес из таверны святое убеждение, что нужно отыскать остров и присвоить себе то небывалое «чудо», от которого сходят с ума все «юде».

Вернувшись из Швеции, Рудя вынес свой грандиозный антисемитский проект на обсуждение магистрата ордена. По всей видимости, он хорошо провернул дела в командировке, и его бред выслушали достаточно благосклонно, даже поспорили малость, что за «еврейское чудо» может быть спрятано на острове: Чаша Грааля, скрижали (а лучше бы клад) царя Соломона или вообще какая-то непредставимая Великая Иудейская Тайна. Завладеть ею, конечно, было бы соблазнительно, однако подготовка экспедиции сулила слишком большие расходы. Так что Рудю похвалили, но не выделили из орденской казны ни единого талера. Хотя и намекнули, что, если он справится с задачей своими силами, самое меньшее – место в магистрате ему обеспечено.

И Рудя взялся. Целый год мотался по свету, облазил Новгород, вытянул все соки из своего имения под Готтенбургом, влез в долги, но отыскал сперва сведения о положении острова, а потом – крепкое судно и команду отчаянных сорвиголов, готовых заплывать хоть к черту на рога. Во всяком случае, так они себя отрекомендовали.

Полтора месяца назад это было, как раз перед Старым Новым годом, который я по милости Руди не встретил: у меня-то тут календаря нет, а для него день был самым обычным, он мне уже потом, задним числом сообщил... В общем, середина января, самая промозглость. До тех пор я сопротивлялся погоде, но вот сломался, уже две ночи толком не спал из-за ломоты в суставах. Ходил по острову мрачный, как медведь по весне, и размышлял, радикулит у меня или уже предсмертные судороги. И вдруг – гости.

Подкатывают к берегу две пузатые шнеки, тихо плещут веслами, впереди в лодчонке два типа самой разбойной наружности жердиной дно промеряют. На одной из палуб – я аж глаза протер – два коня топчутся. Люди, кто не на веслах, вдоль бортов выстроились, у некоторых луки в руках. Ну думаю, наконец-то работа! Хоть от кого-то охраню остров.

Вот кинули они швартовы, высыпали на берег, прыгают, разминаются. Оружием увешаны до зубов, оглядываются настороженно – знать, наслышаны. Наконец один стал командовать, по-немецки, кажется. Спускают парни на берег шмотки, ставят шатер, заносят в него рыцарское обмундирование, а потом, на руках же, человека в меховой накидке. Посмеиваются, но несут бережно – видно, что это заводила. Приболел, наверное, в пути.

Я даже смягчился. С одной стороны, охранять остров – моя прямая обязанность, и первое впечатление эти бравые мореходы произвели вполне отталкивающее. Но с другой, не обязательно же сразу в драку лезть! Я, как бы ни выглядел, не зверь какой, понимаю, если помощь нужна...

И вот, движимый самыми лучшими чувствами, недолго думая вышел навстречу гостям. И ведь не рычал, когти не вострил, по-доброму так спросил:

– Не испытываете ли в чем нужды, гости дорогие?

Боже мой, что началось! Как они драпали! Что там французы из Москвы, спринтер за золотом так не бежит! Но, удивительное дело, вещички не забыли прихватить, всего-то остались на берегу мешок сухарей да худой котелок. Так что я сильно подозреваю, шатер с Рудольфом Отто Цвейхорном они оставили умышленно. Впрочем, свои подозрения я держу при себе, как бы мы с ним ни относились друг к другу, у меня нет желания лишний раз его расстраивать: очень уж он верит, что «отважные саксонцы» не бросят его в беде и вот-вот придут на выручку. Первые дни он даже грозился ими. Потом поостыл, побродил по берегу, изучая следы «эвакуации», что-то подсчитал, загибая пальцы... И поутих, но все равно время от времени намекает, что саксонцам неведом страх, а их верность господину не знает границ.

Бог с ним, пускай тешится несбыточными мечтами. Я понимаю, как трудно признать, что застрял здесь надолго.

И все бы ничего, но Рудя упрям. Своими нацистскими воззрениями гордится, периодически пытаюсь внушить их мне и даже коту (видимо, тренируется на нас за неимением более достойных слушателей). Хуже того, с 23 февраля он не прекращает донимать меня вопросами о Третьем Рейхе, о Геббельсе, гетто, концлагерях, газовых камерах... Я тогда спьяну о многом проболтался.

Жрет за троих – нет, мне не жалко, но должна же быть какая-то соразмерность, а работает он только из-под палки и только из рук вон плохо. Либо драит свое железо, либо сует нос куда не просят. Весь остров уже облазил в поисках «чуда всех юде». Уж, казалось бы, доходчивее, чем я, ему никто не смог бы объяснить бесполезность этого занятия... Не верит!..

В общем, еле-еле терпим друг друга. Иногда я начинаю думать: а чего мы, собственно, не поделили? Нет, ну уживался же я прежде с людьми самыми разными! Однако как гляну на его самодовольную рожу – оскомина подступает. Особенно когда он свой меч начищает и исподволь, думая, что я не вижу, фигуру мою разглядывает. И как-то сразу вспоминается, что я тут не квартирант, а страж острова, что вправе башку ему оторвать. И как-то сразу же оно к слову в разговоре приходится...

Нет, это я, конечно, в шутку. Да, грубею, дичаю, хаею... Но представить себе, что вот так беру и лишаю человека жизни... Не могу!

Но Рудя об этом, кажется, не догадывается.

Вернулся кот Баюн, продефилировал по комнате и вспрыгнул на печку. Шерсть влажная, колючками – недавно отряхивался. Потянулся сладко-сладко, свернутое одеяло когтями царапнул, но тут же опомнился, прекратил. Доставалось ему уже за порчу имущества, однако сейчас мне было лень, и я сделал вид, что не заметил. Кот успокоился и принял позу сфинкса.

– Не думаю, что мне удастся потрясти вас, судари, сообщением о том, что погоды нынче стоят преотвратные, – изрек он, обводя слушателей, то есть меня и Рудю, пронзительным взглядом необычных янтарных глаз.

Вообще-то он у нас красавец. Не Бегемот, но по кошачьим меркам великан, при этом строен, окраса дымчато-серого с приглушенным блеском. Умеет говорить.

Не дождавшись реакции, он продолжил:

– Не думаю даже, что мне удастся поразить вас детальным описанием погодных ужасов, ибо каждый из вас, движимый теми или иными причинами, уже покидал сей гостеприимный кров хотя бы на короткий срок и, стало быть, прекрасно о них осведомлен.

– Да уж, открыл Америку, – проворчал я.

– Что значит «открыть Америку»? – заинтересовался кот. Он увлеченный филолог.

– «Открыть Америку» означает с видом первооткрывателя изрекать общеизвестные истины. Со злым умыслом или просто по незнанию.

– Ясно... – мурлыкнул Баюн, фиксируя в памяти услышанное. – А что такое Америка?

– Страна такая. Ее еще не открыли. И, надеюсь, не откроют, чтобы все другие не пришлось закрывать.

– Вечная с тобой история, Чудо-юдо, – вздохнул кот. – Твои словечки зачастую интересны, но удивительно бесполезны. Где я могу применить выражение «открыть Америку», если ее никак нельзя отнести к разряду общеизвестных истин?

– Не моя проблема, – пожал я плечами.

– Мр, ну хорошо, а какие-нибудь аналоги есть?

– Изобретать велосипед.

– Неплохо звучит, даже очень хорошо: звуки расположены гармонично... А что такое велосипед?

– Вещь такая полезная, довольно простая.

– Но ее еще не изобрели? – уточнил кот. – Так я и думал.

– Наверное, опять что-то убийственный? – с сильным акцентом осведомился Рудя.

– Чудо-юдо ведь сказал, что это полезная вещь. Как ты невнимателен, рыцарь, – упрекнул кот.

– О я, я, у него все есть полезен. Помнишь, он говорить про автомат Калашников? «Душевный штюка»...

– «Душевная вещь», – поправил Баюн.

– Глупый слово. Варварский речь. «Душевный» есть душа, «штюка» есть плоть. Равнять душа и плоть есть ересь! Майн либен Готт, варварский йазик!

– Ты «йазик»-то не распускай особо, в ухо получишь, – посулил я. – Вспомни шведов на Неве и думай, кто варвар, а кто нет.

– Швед бил глуп. Саксонцы так не делать.

– Скажи спасибо, что вы до Чудского озера не добрались!

– Чюдский озер? – Рудя смерил меня взглядом, оценивая степень созвучия. – Еще какой-то кольдовство? От еретик можно все ожидать...

– Да нет, просто тактический гений, – ответил я и, хотя Рудя явно ждал продолжения (он все-таки рыцарь, и, несмотря на возраст, бывалый, повоевавший), дальше рассказывать не стал.

В этом мире Александр Невский уже давно почил в бозе, обойдясь другими победами, времена изменились. Но кто знает, вдруг тевтоны все-таки решатся? Не нужно лишать их сюрприза.

– Тише, тише, – призвал Баюн, закатывая глаза – Я пытаюсь придумать, как перевести чудину Америку... Вот, послушайте: «колесо стачать». Как звучит? Ах, нет, не годится, – мотнул он башкой. – Колесо – не просто предмет быта, у него есть сложное магическое значение.

– Попробуй что-нибудь повседневное, вроде плетения лаптей, – порекомендовал я.

Рудя презрительно фыркнул, вновь берясь за сабатон, однако коту идея понравилась.

– Вот видите, – торжествуя обратился он к нам, – сколь велико преимущество развитого ума! Как можно скучать даже в замкнутом пространстве; как можно предаваться унынию, если на свете существует безмерная пропасть тайн и загадок, которые только и ждут пытливого взора мудреца? О да, однообразная работа мысли тоже способна утомить, но ведь для того нам, существам разумным, и дано искусство речи. Мы можем развлечь себя, не роняя достоинства, не окунаясь в омут низменных страстей и не налагая на свои души цепей животного поведения!

Я только вздохнул, хотя кот подразумевал не меня одного. Треплю он. Но прав, конечно. В его словах – неосуществимая мечта. И он сам это знает, иначе с чего бы шарашился по острову в такую слякоть? Сидел бы на печи, баллады сочинял, занимался бы сравнительно-историческим языкознанием. Да хоть бы дрых наконец как любой другой кот! Нет, есть и у него на сердце камень, и его тоска-кручина гложет. Вот поэтому он время от времени срывается, начинает лазать по деревьям, прыгать по скалам, даже в воду сигает, и уж когда изматывает себя совершенно, промякается на природе, проплачется, тогда вспоминает об утехах развитого ума, плетется в дом и начинает оттачивать на мне и Руде ораторское искусство.

Доблестный фатерляндец, любое многословие почитающий грехом, яростно заскреб шкуркой по наметившемуся на пятке ржавому пятну.

– Может, споем? – предложил кот.

– А что, это мысль, – сказал я. – Начинай.

– Не сейчас. Я только что с улицы, не отогрелся.

– Рудя...

– Я есть Рудольф!

– Да не, вредничай. Бросай свои железки, все равно им крышка. Возьми лучше мандолину, сбацай цыганочку.

Баюн аж зажмурился. Ну да, в этой фразе не было ни одного слова, которое не покорило бы Рудю. Но он-то каков! Варварский «йазик» ему, русские у него – еретики!.. Вот шиш я ему что-то еще расскажу про тоталитарные системы. А будет нарываться – заставлю выучить наизусть биографию Жукова...

Рудя, конечно, закипел. Налился краской, отложил сабатон, привстал...

– Дорогой Отто, – окликнул его Баюн. Второе имя саксонца он всегда произносил с оттяжкой, по-эстонски, и это почему-то благотворно влияло на рыцаря. – Ну разве можно так однообразно реагировать на шутку? Неужели ты не видишь, что наш добрый хозяин всего лишь иронизирует?

Это подействовало, но пятна еще не скоро сошли со щек Руди.

– Я и правда спою, вот только горло отойдет... – заверил нас кот и даже стал примурлыкивать распеваясь.

– Нет, правда, что мы как неродные сидим? – сказал я. – Рудя, бери мандолину, я пока стол накрою.

Дело это нехитрое, благо остров волшебный. Коротким коридором я достиг прачечной, которая примыкала к комнате, где мы сидели, и обогревалась от той же печи. Скатерть-самобранка уже просохла, я взял ее, вернулся и расстелил на столе. Воздух сгустился над ней, и слепился из воздуха ужин на три персоны: черепаховый супчик, запеченная форель, крабовое мясо в кляре, икорочка красная, фрукты-ягоды на десерт, а посередине – бутылка белого. Жаль,

здесь этикеток не бывает, а печати на пробках редки, да и те я читать не умею, то есть марку наперед не угадаешь. Однако плохого вина от самобранки я еще не видел.

Кот к моему возвращению углубился в свои мысли и лениво прицарапывал одеяло. Рудя в тоске глядел на сабатон, как Гамлет на череп Йорика. В печной трубе завывал ветер, и слышно было, как грохочет усилившийся прибор.

– Кушать подано, садитесь жрать, пожалуйста, – изрек я. Впустую: в этом мире никто не только не оценит юмора фразы, но даже не заподозрит, что она смешна. Дикое средневековье, что возьмешь. – Садитесь к столу.

Рудя сел, Баюн прыгнул с печи точно на угол. Самобранка его терпела, если он прилично себя вел, и даже вместо человеческих мисок выдавала удобные плосечки. Я открыл бутылку, вежливо предложил гостям, зная наперед, что они откажутся, и налил себе. Выпил. Под форель – красота, но только если глаза закрыть: опять ребята заскучили, и рожи у них кислые – несварение заработать можно, глядя на них.

Я решительно протянул лапу к мандолине, провел внешней стороной когтя по струнам. Так и есть, с тех пор, как я попробовал перенастроить инструмент на манер семиструнной гитары (ровнехонько с 23 февраля), Рудя к нему не прикасался. Тем лучше...

– У-у-ух, я его отыщу-у-у, – хрипло затянул я, эксплуатируя мелодию Высоцкого. – У-у-ух, душу я отведу-у-у! Я ущу-у-у его, по крапиве его проташу-у-у-у...

Не смейтесь, сам знаю, что слуха нет, будто сам по собственным ушам топтался – медведям такой эффект и не снился. А голос какой может быть при звериной-то глотке? Счастье еще, что речью владею. Ну и музыкальное образование – знаменитые три блатных аккорда и два перебора. Как они звучат на мандолине, лучше вам не знать.

А песня про колдуна. Так, имен не называя – про моего работодателя. Шуточная, конечно... в определенной степени.

Кот вздрогнул, Рудя застонал и выхватил у меня несчастный инструмент.

– Капут, капут! Карош, я спеть!... – Жуя крабов в кляре, он принялся настраивать мандолину.

Кот оживился, замурлыкал, готовясь перенять эстафету, а я тихо-тихо затянул «Ходят кони над рекою». Уж я себя знаю, тут главное – тихо петь, не взрыкивать, тогда сносно получается. И ребятам песня нравится, даже Руде.

Наконец, сжевав грушу и прополоскав рот родниковой водой, фатерляндец коснулся струн и выдал проигрыш – хрустально-чистый, сдержанный, незвонкий. И запел о скитаниях рыцаря Ганса Фридриха Вендорфа из зеленого Трабен-Трарбаха, которого в славном Готтенбурге ждет прекрасная Гретхен Мария Брюкхольц. Простенькая песенка, но симпатичная, и голос у Руди приятный, такой шелковистый баритон. Эх, надо будет все-таки раскрутить его на пару уроков немецкого...

* * *

В тот вечер я остался без работы. Причем со стремительностью удивительной: еще в обед я рисовал в «Кореле» очередной рекламный модуль, а теперь вот часы показывают полседьмого, я сижу на скамейке в скверике и размышляю над судьбой. Город вокруг дышит весной, щебечут шалые от тепла воробьи и дети носятся по газонам, девушки сверкают в мини, а у меня на душе смутно и темно, как... Впрочем, к чему тут сравнения?

Как хотите, а что-то непонятное творится в мире. Живешь, стараешься никого не задеть – и сам легко становишься мишенью. Неужели агрессию можно победить только ответной агрессией? Нет, не победить даже – предупредить, задавить в зародыше смертельным превентивным ударом. Иными словами, неужели обязательно нужно кого-то жрать, чтобы тебя самого не сожрали?..

Вы не подумайте, это не модный нынче пофигизм, не наплевательство, которое позволяет закрыть глаза на все вокруг, дабы, упаси Боже, не влезть не в свое дело. Отнюдь! Линию поведения в жизни я выбирал сознательно и даже философски.

Я рассуждал так.

Зачем увеличивать количество конфликтов в обществе? Жизнь – это и так сплошной конфликт, решение которого отнимает у нас всю жизненную энергию, причем на протяжении всей жизни. С этим не поспоришь, это диалектика. Если бы конфликта не было вообще, то не было бы и жизни. Тут все ясно, но какой следует вывод? Очевидно, нужно подумать над качеством разрешения нашего глобального конфликта. А можно ли его полноценно разрешить, если отпущенная нам энергия рассеивается на тысячи и тысячи конфликтов мелких, второстепенных, несущественных? Ежу понятно, что нет!

А значит, нужно снизить количество второстепенных конфликтов. По идее, это должно создать определенный «стабилизационный фонд» энергии в обществе – если каждый человек на свете решит жить так, чтобы не создавать проблем окружающим. Или хотя бы в небольшом коллективе, если мы говорим об отдельно взятой личности...

Вам смешно? Данная философия кажется наивной или подозрительно знакомой, как тот пресловутый велосипед? Ну бог с вами, посмейтесь, мне не жалко. Тем более, сменив три места работы, я окончательно убедился: философия моя не только наивна, но и нежизнеспособна. То есть понял-то я это еще раньше, но долгое время сохранялась у меня привычка хотя бы не обострять имеющиеся конфликты и не усердствовать в изобретении новых.

Я достал сигарету и прикурил от зажигалки-брелока, на которой (котором?) звенели три ключа.

В общем, дофилософствовался я... Что теперь светит? В итоге, конечно, работу найду, но Ангелина Аркадьевна, владелица, директор, царь и бог рекламного агентства «Прометей», теперь сделает все, чтобы искать работу в этом городе мне пришлось в новой сфере. Что же светит в ближайшее время? Только возвращение в отчий дом, что само по себе неплохо, но садиться на шею родителям в мои двадцать шесть – ой как тошненько!

Но придется смириться. Сидеть вот так, как я сейчас, и мысленно ругать на чем свет стоит людей, с которыми часа три-четыре назад обменивался улыбками – тоже тошненько, отдает гнильцой, но ведь сию, ругаю, и ничего.

Ну все, хватит, пора что-то делать. Вопрос – что? Двинуть к кому-нибудь из ребят? Конец рабочего дня, больше половины знакомых определенно ждут только повода, чтобы расслабиться. К кому пойти и чем расслабиться?

Список знакомых – как карта вин. Если говорить о коллегах, то Сашка из политеха расслабляется кагорчиком, Серега из техцентра горадминистрации – портвейном, Леха из сервис-центра – вермутом. Из однокашников, кто в зоне досягаемости: Шуриман с железки, Алекс оттель же, Сашок из охраны, Витька-частник, Володька из телецентра и прочие считают, что пить не водку – время даром терять. Но вкусы коллег мне как-то ближе. А можно податься к братьям по разуму. Колян Гладиатор сейчас мастерит, ролевуху по Пехову мутит, так у него что ни вечер – собрания. Если сегодня ничего не изменилось, значит, у него в однокомнатной конурке сейчас братья Горисвет с Горигазом, Агроном, Паладин, Завулон, Кузнец, Дрель, Гоблинс, Мерлин, Крысолов, возможно, Арвен и – железно – пиво. Не просто пиво, а много пива, когорты темных пивных бутылок с бордовыми наклейками, расположившиеся в наступательном порядке на письменном столе, а на подоконнике – резервная рота бутылок зеленоватых, с наклейками желтыми, а в углу комнаты притаились пластиковые полторашки массового поражения с наклейками разноцветными, ободранными и никакой роли не играющими, потому что полторашки наполнены чешским разливным. И под завесой сигаретного дыма шныряют разведгруппы жестяных банок маскировочной расцветки...

Мне стало дурно, когда я все это живо вообразил. Не сейчас. В скором времени обязательно, потому что интересно, ролевуха обещает быть что надо, но не сегодня.

Сегодня хорошо бы к Ленке, да у нее курсовая горит, а она так серьезно к ней относится, будто в ближайшие сто лет никто на планете курсовых работ писать не будет. У Наташки дипломная, со Светкой мы поссорились, а состояние сейчас не такое, чтобы мириться – лишний напряг. Не хочу напряга.

И вообще, почему обязательно нужно к кому-то идти? Разве человек – не самоценная и самодостаточная единица? Подумал я так и понял: никуда и ни к кому меня сегодня не тянет, а тянет меня пойти домой, пожрать от пуза и забыться, лежа на диване дочитать «Пикник на обочине» Стругацких.

Я покрутил в пальцах брелок. Вот – блестящая символика нажитого достояния: ключ от подъезда, ключ от квартиры, ключ от кабинета... Тьфу, блин! Ключ от кабинета не сдал!

* * *

Вот это плохо. Ангелина, как ни философствуй, натуральная ведьма, возьмет завтра да заявит, что из офиса что-нибудь пропало. Причем, если вспомнить, что она прирожденный хозяйственник и забывать о ключах ей вообще категорически несвойственно, можно даже не сомневаться, что заявит.

Я бросил окуроч в урну и поспешил назад, глядя на часы. Без четверти семь, Ангелина, конечно, уже ушла, она всегда ровно в шесть уходит... Ладно, оставлю на вахте.

На вахту уже заступил в ночь Василий, редко унывающий мужчина средних лет в неизменной тельняшке. Мы поздоровались.

– Наша не проходила? – спросил я.

– Не посмотрелся за день? – улыбнулся Василий. – Не видал, врать не буду. Так ведь она у вас перерабатывать не любит. Шесть ноль две – уже цокает. Педантичная девушка. Из немцев, наверное?

– Ага, у нее и фамилия такая характерная – Глушко, – ответил я и протянул ключ: – Будь добр, отдай ей утром. И, если не затруднит, сразу скажи, что, мол, Кир вечером вернул.

Контора у нас частная, маленькая, поэтому ключей на вахте мы не оставляли, только держали запасной – на всякий в прямом смысле пожарный случай. Так что объяснять ничего не потребовалось, Василий понимающе кивнул:

– Не вопрос. Передам в лучшем виде.

Ну вот, меры безопасности приняты. В расписке ключ фигурирует, больше мне ничего не надо. И тут вдруг мелькнула шальная мыслишка: а не проверить ли?..

– Говоришь, не проходила? – уточнил я. – Поднимусь-ка, посмотрю.

До сих пор точно не знаю, что именно подвигло меня вернуться. Я не люблю подозревать людей в подлости, еще меньше люблю уличать в чем бы то ни было. Просто... как-то вдруг стало интересно посмотреть – прав я или неправ.

Я взбежал на третий этаж бывшего стройтреста, где за дверью номер 35 теснился на пятнадцати разгороженных пластиком квадратных метрах «Прометей», зажатый между молодым турагентством «Зюйд-вест» и корпунктом известной желтушной газеты «Чайхана».

Дверь «Прометей» была приоткрыта, и слышался из-за двери голос Ангелины. О таймс, о пипл! Она действительно решила повесить на меня какую-нибудь пропажу! Однако позвольте, там еще и второй голос... Движимый все тем же любопытством, я решительно толкнул дверь.

* * *

Ангелина Глушко, дама лет сорока с гаком, внешности, как и положено директору, исключительно строгой, а поведения, как и положено собственнику, сдержанно-развязного, сидела в кресле для посетителей. А ее собеседник восседал за моим, то есть теперь уже бывшим моим рабочим столом и внимательно изучал что-то на экране компьютера.

Незнакомец казался ровесником и коллегой Глушко, но смотрелся свежее и увереннее, хотя не прилагал к этому видимых усилий. Пожалуй, только напряженный взгляд, когда он выискивал, где бы щелкнуть мышкой на экране, выдавал отсутствие большого опыта работы с компьютером. Лицо у него, впрочем, было довольное.

Он поприветствовал меня кивком головы и вновь углубился в изучение содержимого жесткого диска. Ангелина же подобралась.

– Ты что-то забыл?

– Да нет, это вы, Ангелина Аркадьевна, давеча забыть изволили, – ответил я самым невинным тоном. – Ключ от кабинета в список внесли, а забрать забыли.

– Хорошо, что ты вспомнил, – холодно похвалила она. – А то я уже начала опасаться, что память окончательно тебе изменила. Вот, можете убедиться, господин Иванов: исключительно невнимателен!

– И стало быть?.. – не отрываясь от экрана, спросил незнакомец.

– По совокупности изложенных причин не вижу ни малейшей возможности рекомендовать Кира, – отчеканила, как на партийном съезде, Ангелина и не удержалась от того, чтобы мазнуть по мне взглядом.

Вот оно что, это действительно коллега Ангелины, во всяком случае частный предприниматель, причем... пришедший специально за мной? Странно...

– Однако у нас трудится очень талантливая девочка, которой я бы легко позволила совмещать должность...

Это она про свою племянницу. Девочка и правда не глупа, но в дизайне рекламных модулей разбирается ровно настолько, насколько я успел ее научить – на свою голову, как стало ясно сегодня.

Незнакомец откинулся на спинку офисного кресла.

– Ангелина Аркадьевна, – необычно растягивая слова, но при этом не теряя темпа речи, сказал он. – У нас с вами разные сферы деятельности, и разные... профессиональные потребности. Вы позволите мне поговорить с кандидатом наедине?

И тут у меня глаза полезли на лоб: директор «Прометей» не только не смутилась очевидно нелепым предложением, она безропотно встала и прошла мимо меня в коридор... закрыв за собой дверь!

– Кирилл?..

– Семенович, – подсказал я.

– Садись. Сразу перейдем на «ты», мне так удобнее. Садись и слушай. Зовут меня Заллус, и я хочу предложить тебе работу...

* * *

Работа? Суший бред это был, но я почему-то сидел и слушал.

– Звучит необычно, я понимаю. Но мне действительно нужен человек с воображением. Я посмотрел твои проекты – у тебя оно есть.

Он развернул монитор, там красовался немного по-детски нарисованный «кистью» домик с вьющимся из трубы спиралью дымом на зеленом фоне. Теперь уже давняя работа, но хорошая, пришедшая по вдохновению, я до сих пор ею горжусь. Честно, удачная мысль оказалась, на фоне традиционно пестрых, кричащих плакатов домик выделялся и поневоле притягивал взор. Этот заказ пришел от филиала одной омской фирмы, и когда я в последний раз был в Омске, своими глазами видел: улицы так и увешаны моими домиками.

– И вот это недурно, очень недурно.

Хм, я бы так не сказал... Этот заказ пришел через месяц, и рекламодатель пожелал, чтобы я «развил» идею домика. Мы предлагали другие варианты, но клиент уперся, а поскольку желание клиента – закон, пришлось мне взяться за эксплуатацию старой мысли. Я краснел, но эксплуатировал.

Ай-ай, а я-то было подумал, что у Заллуса есть вкус. Хотя стоп, при чем тут его чувство вкуса? Выбирай он дизайнера, это имело бы значение, но Заллус выбирал сторожа!

Я же говорил, суший бред... И все равно я слушал, хотя мысль о непреклонной и крикливой Ангелине, бесприютно слоняющейся по коридору, мешала сконцентрироваться.

– А вот это просто чудо как хорошо! – заявил между тем Заллус, открывая на мониторе новую картинку.

Интересно, а откуда он знает, где какие модули лежат? Неужели за какой-то несчастный час так хорошо изучил содержимое чужого компьютера? А Ангелина целый час терпеливо сидела рядом? Полноте, я, наверное, сплю...

Картинка, использованная в модуле для охранного агентства «Щит и меч», была, конечно, шалостью. Фэнтези – моя слабость... Я выудил из клипартов образ витязя, подставляющего миндалевидный щит под копыта, и вместо трудноразличимой массы врагов пририсовал чудовище собственного изобретения. Славная страшилка получилась, а всего-то, взяв за основу медведя, я придал ему некоторые человеческие черты и наделил хвостом. Ни с клыками, ни с когтями особенно усердствовать не стал – получилось даже правдоподобно. Причем, чтобы детишек не пугать, я сделал чудовище симпатично-мохнатеньким и без лишнего злобствования на выразительной морде. В общем, если внимательно присмотреться, начинаешь испытывать сомнения, кто тут на кого нападает.

Такая шутка дизайнера. Признаться, меня удивило, когда из нескольких предложенных вариантов клиент выбрал именно этот. И еще более удивило, что Заллус от этой картинки пришел, по всему судя, в восторг.

– Чудо как хорошо! – все с тем же легким акцентом повторил он. – Между нами говоря, самое то, что нужно. Гляди!

На мониторе возник стилизованный под сказочную Русь теремок (поразительно напоминающий мое нелюбимое «штампованное» творение!), утопающий в зелени.

– Это мой особнячок за городом. Вот для него-то и нужен сторож... наделенный воображением.

– Вы ищете специалиста по ландшафтному дизайну? – сообразил я. – Простите, но это не совсем моя специфика...

– Во-первых, мы договорились обращаться на «ты», – прервал он меня. – А во-вторых, предоставь мне решать, в ком я нуждаюсь. Я ведь уже сказал: мне требуется сторож. Особняк снабжен спецтехникой, она проста в обращении, ты быстро освоишься. Всей ответственности – безопасность особняка и... одного предмета, о котором поговорим позже, когда ты согласишься.

– Но ведь я еще не согласился.

Он покровительственно улыбнулся, давая понять, что мои заблуждения – это такие мелочи.

– Я до сих пор не представляю себе условий. Где это место находится? – Я посмотрел на экран, однако там вновь красовались витязь и чудовище. – Не припомню такого поблизости... Я что, жить там буду? И какова зарплата?

– Зарплата втрое больше, чем здесь, тебя устроит?

– А впятеро? – спросил я по наитию.

Заллус пожал плечами:

– Можно и впятеро, это не проблема. Место действительно скрытное, о нем здесь никто и не может знать. Условия? Да какие тут условия, я уже все сказал. Да, будешь жить в моем доме и следить за его безопасностью.

– С помощью спецтехники, да? Послушайте, господин Заллус...

– На «ты», – с прохладцей напомнил он.

– Хорошо, – согласился я, и с момента, когда использовал новое обращение, что-то изменилось в моем к нему отношении. – Послушай, Заллус, не обижайся, но ты сам себя слышишь? Иди туда, не знаю куда, делай что душе угодно... Так не бывает. С безопасностью здания пара ребят из охранного агентства «Щит и меч», – я указал на картинку, – справятся куда лучше меня, хоть со спецтехникой, хоть без, да у них и своей хватает. Для чего тебе дизайнер рекламных модулей, мягко говоря, не в самой лучшей спортивной форме? При чем тут мое воображение? Ну что я должен думать, а? Что ты мафиози? Но даже если так, вы... ты самый странный мафиози, какой только может быть.

Моя речь никак не могла бы порадовать обычного работодателя, но Заллус, как видите, ни в чем не был обычен. Он заулыбался и закивал головой:

– Ну да, ну да, это все естественно. Следовало ожидать. Знаешь, Кир, пойдем-ка ко мне. В моих апартаментах тебе многое проще будет понять. А мне – объяснять.

– Ты на машине? – уже без малейшего затруднения спросил я у странного господина, припомнив мимоходом, что, сидя в скверике, ни одной машины не видел, хотя это был единственный подъезд к бывшему стройтресту. Или у Заллуса такой лимузин, что в поворот бы не вписался?

Мы встали, и я невольно бросил взгляд в окно, выходившее на проезжую часть, но и там ни лимузина, ни чего-либо подобного не обнаружил.

– С транспортом у меня проблем не бывает. Почти... – расслышал я, когда Заллус распахнул дверь в коридор и вдруг пропустил меня вперед.

Я, не чинясь, прошел. И застыл как вкопанный. Никакого коридора за дверью не обнаружилось, а обнаружился там просторный зал с высокими готическими окнами, с потускневшими фресками на сводчатом потолке, с гобеленами на стенах и могучими бронзовыми канделябрами, державшими по дюжине свечей.

– Проходи, проходи, не стесняйся.

Оглянувшись, я успел заметить пластиковые перегородки офиса «Прометей», потом их заслонила резная дверь черного дерева. Было слышно, как щелкнул замок, когда человек в усеянном звездами темно-синем балахоне и таком же остроконечном колпаке повернул ручку. Этим человеком был Заллус, я узнал его, хотя изменилась не только одежда.

* * *

Уже потом, вспоминая события того дня, я понял, что Заллус неплохо замаскировался перед прибытием в наш мир. Внешность посетителя «Прометей» была какой-то неопределенной, ускользающей. Усредненной – хотя и не столь бесцветной, какая лучше всего подходит шпиону.

Здесь же, в своих «апартаментах», он стал человеком высоким (я не жалею на рост, но он был выше меня ровно на голову), худощавым, с красивым волевым лицом, с пышной соломенного цвета шевелюрой. Внимательные зеленые глаза глядели с хитрецей.

При этом я ни на миг не сомневался, что передо мной все тот же Заллус.

Акцент стал резче, и теперь его трудно было не узнать, уж «таллиннский анекдотический» слышали все.

– Идем, идем, – поторопил он меня, поправляя нелепый колпак на голове.

Мы пересекли зал и через угловую дверь попали на винтовую лестницу, которая привела нас на смотровую площадку башни. Справа и слева высились крутые двускатные крыши, глядящие в небо островерхими башенками и бесчисленными шпилями. На шпилях трепетали флаги, пестря белым и красным, местами зеленым, желтым и голубым. Внизу виднелся дворик, стиснутый крытыми черепицей пристройками, дальше я увидел широкую крепостную стену, а за ней поросшие лесом холмы, голубую змейку реки и грязно-желтую – дороги. На горизонте щетинились горы.

Солнце стояло невысоко, и я догадался, что здесь тоже вечер.

– Как думаешь, где мы? – спросил меня Заллус.

– Ну уж точно не в Караганде, – пробормотал я.

Заллус рассмеялся:

– И правда, далековато. Скажу по секрету, если даже сесть на самого быстрого коня, эту твою Караганду ни за что не сыскать. Ее еще нет. А может быть, никогда и не будет. Ну что, прав я был, приглашая тебя сюда? Конечно, прав. В «Прометее» трудно было бы объяснять то, что здесь очевидно. Согласен?

– Согласен. Только я, честное слово, до сих пор ничего не понимаю.

Заллус приподнял брови:

– Не верю. Ну скажи, кто я такой?

– Э-э... Волшебник? – окинув взором его нелепый костюм, предположил я.

– Вот видишь, ты сам понял! А представь, как бы я объяснял тебе это там, по ту сторону двери. Думаю, ты даже можешь догадаться, о какой спецтехнике у нас шла речь.

– Неужели о магии?

– Чудно! – Заллус вновь рассмеялся. И что его так веселит? – Мы избавились еще от получаса лишней болтовни! Превосходно! Может, ты понял и то, для чего мне нужен?

– Не представляю, – сознался я и поежился: ветерок был свежим.

– Не беда. В первую очередь мне нужен сторож для поместья на острове. Лучше всего – не из нашего мира, чтобы он не был слишком подвержен влиянию магии. Обычно для этого используют демонов или духов усопших, но это, – он доверительно наклонился ко мне, – очень хлопотно и не дает стопроцентного результата. На всякое заклинание можно подобрать ответное. Духи надежны, но не очень сильны, демоны сильны, но с удовольствием найдут возможность перепродаться, хоть ты их опутай сетью нерушимых слов. А человек из другого мира – это неожиданный ход. Никто не догадается, будь уверен...

– А воображение?..

– Мне кажется, это очевидно, – улыбнулся Заллус – Человек, не обладающий воображением, сейчас убедил бы себя, что никуда не переместился, а по-прежнему сидит в своей душевной клетке из пластика и все происходящее ему мерещится.

– Логично, – кивнул я, усиленно переваривая информацию. – А почему ты сам не живешь в том... поместье на острове?

– Мой дом здесь, и дела требуют постоянного присутствия, – развел руками Заллус – Боюсь, в ближайшее время мне не удастся пожить там вволю. Впрочем, при каждой возможности я буду тебя навещать, – ободряюще улыбнулся он. – И Черномор будет заглядывать – это мой приятель и союзник, он там поблизости обретается. Он поможет тебе разобраться в торговле, хотя ты, наверное, и сам разберешься, ничего сложного там нет.

– В какой торговле?

– Да, об этом я еще не сказал. На острове имеется некоторый запас волшебных вещей, которые я продаю небольшими партиями отдельным доверенным купцам. Отличить их можно по особому ярлыку с изображением свернувшейся восьмеркой змеи. Кроме того, стяги с таким же узором они вывешивают, приближаясь к острову. В обмен на артефакты купцы привозят драгоценные камни, древние книги, либо другие магические предметы, которым не находят применения. Выручку будешь передавать мне для сбережения времени с помощью волшебства. Это просто: в одном из пристроев найдешь красный ларец с тремя орлами на крышке. Все, что ты положишь в него, мгновенно попадет в мой замок. На всякий случай Черномор введет тебя в курс ценовой политики, но вообще-то беспокоиться не о чем: купцов связывает со мной жесткий договор. Они не посмеют пойти на обман... Тебе, кажется, прохладно?

Соизволив заметить, что у меня на ветру уже зуб на зуб не попадает, Заллус предложил спуститься вниз. Вроде бы мы прошли по той же лестнице, но очутились не в громадном зале,

а во вполне уютной столовой с потрескивающим камином и накрытым столом. Ни единого слуги я не приметил.

– А где мы находимся? – спросил я и, не заставляя просить себя дважды, принялся за жаркое. – То есть я понимаю, что не в моем мире, а в каком-то другом – но в каком? Это что-то вроде альтернативно-псевдоисторического прошлого?

Заллус поморщился:

– Не стоит сотрясать воздух выдумками ваших бумагомарак. Умудренные чародеи употребляют понятие «лепесток»: наш мир на одном, ваш на другом. Положение мира на лепестке обуславливает его особенности, такие, например, как количество магической энергии и так далее. Не будем, однако, предаваться заведомо бесполезному многословию, ибо эти знания тебе точно не пригодятся.

Я кивнул, наливая себе красного вина. О, какой вкус! Мне не вполне понятна была гримаса отвращения, на миг исказившая лицо Заллуса при упоминании о «наших бумагомарках». Лично мне, любителю фэнтези, такие термины, как «цветок», «веер» и прочее объяснять не надо. Хм, интересно, а может быть, местных чародеев как раз и не устраивает, что писатели что-то угадывают из их секретных знаний? Или даже постигают на собственном опыте?..

Но стоп, стоп, мне сейчас о себе бы успеть подумать!

– Что касается описаний нашего мира, ты найдешь их в библиотеке на острове, она весьма обширна и способна удовлетворить самый изысканный вкус. Насколько помню, там есть классические трактаты по истории и землеописания. Если вкратце, то наш мир ты мог бы назвать слегка затянувшимся Средневековьем. За всем остальным – в библиотеку! – остановил он мой порыв. – По существу вопросы есть?

Как же иначе?

– Да, одну минуту, сейчас соображу...

– Извини, что мешаю думать, но если ты согласишься, переброску нужно осуществить в течение часа. Я много времени потерял с твоей, э... Ангелиной, так? Теперь следует поскорее взяться за подготовку чар.

– Да, конечно... Так, вот что: от кого и какими мерами мне предстоит защищать остров?

– От кого угодно – за исключением купцов и Черномора. Купцов можешь пускать на берег, но не позволяй соваться вглубь острова. А Черномор обычно не пересекает линии прибоя. Он не особенно жалует сушу. Меры? Любые. Ты в своем праве. Я придам тебе дополнительную физическую силу. Кроме того, в твоём распоряжении будет магия. Границ допустимой самообороны для тебя не существует.

Я отложил вилку с куском мяса.

– А... без убийства я могу обходиться?

– Как пожелаешь, в милосердии ты также не ограничен. Делай все, что душе угодно, главное – обеспечить безопасность...

Он снова сбился, и я понял.

– Дело не в самом острове, правда? Вы... ты скажи, я ведь должен знать на всякий случай. Что именно мне надлежит охранять?

– Остров, – не глядя в глаза, ответил он.

– Я серьезно, Заллус. Ну представь, что на меня напали превосходящими силами. Что на острове я должен защищать до последнего?

Колдун пожевал губами, ковыряя вилкой в тарелке, и наконец решился:

– Сердце острова. Да, именно так. Больше тебе знать не обязательно, – предупреждая другие наводящие вопросы, он добавил: – В случае крайней нужды ты можешь отступить, лавировать, вести партизанскую войну. Пока враг не добрался до Сердца острова, ты жив. Пока ты жив, ты можешь спасти положение. Но до этого, конечно, не дойдет! – хлопнув меня по плечу, бодро заверил колдун.

– А где, кстати, находится остров?

– Это не имеет особого значения.

– Да я не претендую на знание координат, – пожал я плечами. – Просто думал уточнить, на каких широтах. В каком климате жить?

– У него своя широта, – непонятно ответил Заллус и поторопил: – Ну мы обо всем договорились?

– Да, наве... А, вот: каков срок работы?

– Для начала полгода. Как это у вас называется – испытательный срок? Через полгода поговорим еще. Другие вопросы?

Я почесал в затылке и спросил:

– А сам ты как думаешь, достаточно ли я знаю, чтобы приступить к работе?

– Ну я не так часто нанимаю работников из вашего мира, – обезоруживающе улыбнулся Заллус – Если честно, то вообще впервые. По мне, так ты знаешь уже намного больше, чем следовало.

– Ладно, готовь свои чары! – решил я. – Только давай так: пока готовишь, я еще подумаю.

– Пожалуйста! – разрешил Заллус – Поброди по галерее, поразмысли. Только ничего не трогай.

Еще чего! Мало я фэнтези читал, что ли, трогать вещи в доме колдуна?

Хотя это, конечно, от жанра зависит. Если фэнтези юмористическая, герою как раз и рекомендуется, оставшись вне поля зрения колдуна, хватать с полок все, до чего руки дотянутся. Всему потом найдется применение. Но с другой стороны... Не у каждого автора совесть такая сговорчивая, что позволяет открытое воровство. И вполне возможно, комический ход будет привязан именно к похищению магических артефактов. То есть автор честно выполняет нравственный долг перед обществом, наглядно доказывая, что брать чужое без спросу нехорошо, а читатель покатывается со смеху, наблюдая, как неожиданно обросший шерстью герой обматывает копыта ветошью, чтобы пройти мимо стражи, не цокая. Всем хорошо, кроме незадачливого героя. Нет, я совсем не хочу оказаться на его месте!

Ну а если фэнтези серьезная, то все однозначно: хорошего колдовства не бывает по определению, равно как и добропорядочных волшебников. Последние сразу после Толкиена перестали появляться, теперь остались только более или менее ярко выраженные злодеи, себялюбцы и продажные мерзавцы; чары у них чернейшие, и относительно доброму делу героя могут послужить только в том случае, если герой положит палец или, скажем, ногу на Алтарь Тьмы. Воровать же что-либо в колдовских башнях «серьезной» фэнтези категорически не рекомендуется. В лучшем случае, на вас апробируют редкий для этого жанра комический ход – просто для контраста со всеми остальными мрачностями. Это может оказаться не очень трагично, но все равно неприятно.

Стоп, опять я о постороннем! Тут о себе думать надо, а не о книжных выдумках. Все ли я учел? Контракт сроком на полгода, обязанности... А права? Да, вот что надо уточнить: точный размер и способ перечисления зарплаты, климат, питание, медицинское обеспечение... И гарантии! Я привык, чтобы все на бумаге было, с подписью и печатью.

Станный у Заллуса был замок. Погруженный в размышления, я побродил по галерее, заглянул еще в два зала, поменьше первого, но обставленные не менее помпезно, особенно в одном поразило меня обилие выставленных на стендах и подпорках доспехов и комплектов оружия. В другом насторожило своеобразие экспонатов: чучела невиданных зверей и рептилий, какие-то колбы, амулеты, палочки чуть подлиннее карандаша с игольчатыми стеклянными звездами на концах... Я старательно держался середины ковровой дорожки.

И нигде – ни слуги, ни горничной, однако чистота примерная, пыли и паутины в помине нет. Дважды проходил мимо столовой, в которой мы ужинали с Заллусом, и заметил, что

все уже прибрано. Ни души – однако чувства пустоты не возникало. Как будто достигали ушей отголоски гаснущего эха, последние отзвуки смиренно прерванных разговоров. Как будто скользил по спине робкий взгляд.

Заглянул я и за ту дверь, через которую «перепрыгнул» с лепестка на лепесток. «Прометей» за ней, разумеется, не было, а была уютная спальня с кружевными подушками на резной кровати под газовым балдахином. В ней пахло цветами. Окна были открыты, и ветер колыбал кремовые занавески.

Я еще раз прошелся по галерее, вдыхая свежий ветер с гор, перебирая в голове условия «трудового договора», и вдруг остановился, как громом пораженный. Я что, действительно соглашаюсь? Господи, да это же сумасшествие какое-то! Иду в параллельный мир охранять остров колдуна, приглашенный потому, что по случайности угадал очертания его «особнячка»... Мне предложено пользоваться магией, дано разрешение на убийство, меня будет навещать некий Черномор, который недолюбливает сушу... Право, я сплю. Такого не бывает! Только в книжках...

Я честно покопался в голове и вынужден был признать, что такой дурацкий сюжет мне даже в книгах не попадался.

И все же, несмотря на рвущийся из груди нервический смешок, даже в тот момент я отдавал себе отчет в том, что (действительно!) соглашаюсь.

* * *

– Бумаги? – удивленно изогнул брови Заллус. Балахон его был поддержан, колпак лежал на столе, а сам колдун на четвереньках ползал по полу, добавляя с помощью мелка последние штрихи к сложным магическим чертежам. Время от времени он поглядывал на меня как художник, рисующий с натуры. – Зачем?

– Для порядка, – важно ответил я.

Заллус сел, откинул со лба волосы.

– Ну хорошо, мы можем потратить время и составить твои бумаги. Но, позволь, если ты вдруг решишь, что я нарушаю условия нашего... трудового соглашения, куда ты с этими бумагами пойдешь?

– Э, не знаю. А есть куда?

– Нет. У колдунов не имеется даже профсоюза...

– Большое упущение.

– Ты даже не представляешь, насколько большое. Но его нет, не говоря уже о каких-либо вышестоящих инстанциях. Колдун не ограничен ничем, кроме своей силы. Не морщись. В вашем мире, как я понял, человек ограничен только денежными средствами. Но, видишь ли, чародеи нашего мира, как правило, держат данное слово. Репутация для нас очень важна. Если же и это тебя не убеждает, – а выходца из циничного мира это, наверное, и не может убедить, – подумай вот о чем: для чего мне обманывать работника, если все, в чем я заинтересован, это безопасность острова?

– Звучит убедительно, – не мог не признать я. – Значит, все условия для спокойной работы?

– Как я и сказал, – подтвердил Заллус, возвращаясь к напольной живописи. – Я наделю тебя лучшими физическими данными, так что проблема с медицинским обеспечением отпадает сама собой, никакие серьезные болезни тебе в принципе грозить не будут. Если же – а это маловероятно – ты будешь ранен, достаточно обратиться к хрустальному флакону в стеклянном шкафчике, в нем сильнейший регенерат. Рядом с ним лежит медальон, носи его всегда на шее: он слабее, но его магическое поле тоже способствует восстановлению любых тканей. Кроме того, он в случае нужды избавит от болевого шока и предотвратит заражение открытой раны. Что там еще? Питание со скатерти-самобранки, повелевание ветрами и волнами, а также тучами, молниями и громами при помощи золотого браслета, инкрустированного полудраго-

ценными камнями. Самобранку найдешь в тереме, браслет – в соседнем строении, налево от ворот. Там будет бронзовый ларец на постаменте, в нем кроме браслета, еще тиара, жезл и мантия, но их не бери, не понадобятся.

– А для чего они?

– Тиара, сколько помню, управляет миграциями косяков сельди, а костяной жезл способствует приросту планктона, а значит – увеличению численности китов. Мантия просто для красоты. Ты не отвлекайся, лучше запоминай самое необходимое.

– От ворот – налево, бронзовый ларец, браслет. Стекланный шкафчик, хрустальный флакон, медальон носить не снимая, – повторил я.

– Вообще же можешь использовать любые вещи, в принципах управления которыми разберешься. Климат субтропический, места нелюдные, радуйся жизни сколько влезет. Зарплата, как мы и решили, ровно впятеро больше, чем ты получал на прежней работе. Выплачена будет при возвращении в твой мир в любой валюте на выбор. Если хочешь послушать старого колдуна, рекомендую рубли и юани: астрологические прогнозы для них наиболее благоприятны.

– Такой момент, – кашлянул я. – По зрелом размышлении, узнав все условия...

– Мало? – улыбнулся Заллус – Называй сумму. Только в пределах разумного.

– Миллион долларов. В месяц. Плюс столько же за ранения в бою.

– Брось, у меня нет желания лишиться сторожа, который из жадности будет зазывать на остров кого попало и подставляться под удары. Я немного знаю твой лепесток, просто миллион в месяц тебе хватит для безбедного существования. Кроме того, я ведь рассчитываю на продолжение сотрудничества через полгода... Останемся в пределах разумного.

– Останемся, – небрежно согласился я, испытывая легкое головокружение.

– Валюту ты уже выбрал?

– Сделаем так: триста тысяч пусть будут в долларах, столько же в рублях и столько же... ладно, в юанях. Остаток – в золоте высшей пробы. Денежные средства должны каждый месяц помещаться на депозиты таких банков, как...

– Нет. На это у меня нет времени. Сам видишь, даже в новое поместье вырваться некогда, еще в вашей банковской системе разбираться? Нет. Выплата наличными.

Да что со мной, в самом-то деле? Я же никогда не был таким меркантильным!

– Ну хорошо, – разрешил я. – Значит, условились?

– Значит, условились, – поднимаясь на ноги и задумчиво оглядывая свои художества, кивнул Заллус – Так, встань в центр композиции. И уже не отвлекай меня.

– Последний вопрос! – вспомнил я. – Насчет лучших физических данных – как это будет выглядеть?

– Очень интересно, – пообещал Заллус – Ты фактически получишь новое тело, сильное, выносливое, тренированное. Ну все, теперь тихо. Стой не шевелясь. Перемещение сложное, трехходовое. Прямых путей нет, поэтому сначала окажешься в воздухе, потом в воде и уже потом на острове.

Он взял в руки огромную книгу с металлическими застежками на переплете, пролистнул пару страниц и начал напевно читать заклинание на незнакомом языке. Я послушно ждал и размышлял, каким будет «фактически новое тело». У меня была догадка, и она мне нравилась. Не случайно же в офисе колдун показывал мне мои собственные картинки! Раз уж я «прозрел» очертания заллусова особнячка, значит, и собственный облик тоже. Что ж, витязь из клипартов безусловно хорош. Хотя я и привык к своей внешности – надо признать, она не идеальна, особенно для сторожа. Ну худоват я... В ролевках вечно скелетов играл. Обратную смену облика мы не оговорили, но если я хоть что-то понимаю в магии (хотя бы на основе прочитанного, а писатели-фантасты, как видно, не всегда врут!), это само собой разумеется...

Заллус захлопнул книгу, воздел ее над головой и провозгласил:

– Geantae, v'varnae, turha geantei! – или что-то очень похожее.

Все цвета радуги – чистые, четкие – вспыхнули у меня перед глазами, возникло ощущение полета. Взор прояснился, и я обнаружил, что действительно лечу, точнее, падаю из-под самых облаков в безбрежный, тихий, золотящийся рябью океан. «В воздухе, потом в воде...» Что, вот таким вот образом? Но нет, вновь полыхнула радуга, я инстинктивно набрал полную грудь воздуха и в следующий миг уже барахтался в воде.

Барахтался довольно долго.

А после третьего перехода очутился на прибрежном песке. Дул прохладный ветер. Кругом качали широкими листьями пальмы. Кричали чайки. Остро пахло солью и йодом и чем-то еще диловинным, незнакомым.

Я шумно переводил дыхание, стараясь понять, почему такими необычными кажутся движения... будто я внутри какой-то шубы ворочаюсь...

Какой-нибудь апологет позитивного мышления нашел бы, чему порадоваться. Новое тело, как обещано, было сильным и выносливым. Ну не очень привлекательное, зато в нем я могу не опасаться ни воспаления легких, ни кишечных инфекций. Чутье безошибочно подсказывает мне, что из окружающей флоры и фауны годится мне в пищу, а что нет – и главное – почему. Меня никто не кусает, ни комары, ни змеи. Меня слушаются животные. Не все, не всегда и не во всем, но, по большому счету, мне от них многого и не нужно, нормально уживаемся.

Я бросил курить (что и немудрено – вместе с остальными вещами в одной из комнат, которую и занял, обнаружилась и размокшая пачка, на восемь десятых состоящая из морской воды), дышу чистейшим воздухом. Питаюсь при посредстве скатерти-самобранки, которая выдает разнообразные, исключительно экологически чистые продукты. И по вкусовым качествам отменные.

У меня редкая, высокооплачиваемая работа. Правда, работодатель – брехло, это я уже выяснил, но Черномор уверяет, что деньги отчисляются честно, и если я когда-нибудь сумею вырваться с острова, получу все сполна. Так что независимо от мелких неудобств, я неуклонно богатею за счет честного труда со скоростью, которую могут позволить себе только голливудские кинозвезды и политические проститутки.

Блин, сплошные плюсы кругом!

Ну почему...

Ну почему я не владею позитивным мышлением?

* * *

Человек привыкает ко всему, это правда. Как бы ни разнились явления, человек привыкает: к работе, к «бич-пакетам», к демократии, к алкоголю, к теще, к телерекламе, к идиотским словечкам наподобие «как бы».

Но по опыту говорю – труднее всего человек привыкает к хвосту.

А вот думать надо, что рисуешь! При доставшейся мне медвежьей конституции хвост оказался архитектурным излишеством. Он не помогал при ходьбе и лазании по деревьям, он путался в траве, застревал в камнях и кустарниках. Однажды Рудя на него наступил, и это было больно, но не счесть случаев, когда я по невнимательности наступал на него сам, и это было не только больно, но и донельзя обидно.

Еще хорошо, что хвост достаточно послушен, если не забывать периодически поддерживать его во время ходьбы, способен какое-то время сохранять положение и не волочиться по земле, собирая мусор и цепляясь за все подряд. С другой стороны, он своенравен и зачастую норовит проявить самостоятельность. Он начинает подрагивать в такт музыке, когда Рудя играет на мандолине. Когда я разозлен, хвост напрягается и мелко, этак по-змеиному, трясет кончиком, а когда я доволен жизнью, совершает плавные волнообразные движения. Если бы он еще вилял по-собачьи, я бы вообще сгорел со стыда. Но этого, к счастью, нет.

Ладно, что я все о себе да о себе.

Остров мне достался безумно красивый. Название у него тоже красивое – Радуга. Пальмы, кипарисы, еще что-то такое широколистное, кажется, магнолии, а других названий я просто не знаю. На склонах горы растут сосны. Гора высотой примерно в километр, южный склон ее изрезан природными террасами, на одной из которых примостилось хрустально-чистое озеро, за что и саму гору я для себя назвал Озерной, но потом переименовал в Родниковую – лучше звучит. К тому же озеро одно, а родников на горе целых три, они питают не менее дюжины звонких ручьев, бегущих по склонам и исчезающих в непролазных дебрях южной растительности.

Небогатый, мягко говоря, опыт островной жизни не позволяет мне судить о размерах этого клочка суши. С вершины горы, на глазок – километров пятнадцать-двадцать в длину и десять-пятнадцать в поперечнике. Иногда становится интересно: вот, скажем, Таити – больше или меньше?

В юго-восточной части острова, неподалеку от пляжа, стоит деревянный терем – большой, яркий, похожий на иллюстрацию в книге русских народных сказок. На первый взгляд, он совершенно неуместен в данном ландшафте, однако скоро глаз привыкает. Куда больше удивляет контраст с остальными строениями на Радуге – они выполнены совсем в другом архитектурном стиле.

Их тут десятка три, точно не считал. Каменные, деревянные – все либо круглые, либо вытянутые наподобие банана, и со сглаженными углами. Те, что побольше, явно когда-то были жилыми, но кто и на какие средства в них жил, понять невозможно. Боги не боги, но личные вещи, уходя, собрали до единой. Зато строения поменьше – это заброшенные капища и кумирни, сиречь святилища языческие.

Они тоже пусты. Почти наверняка прежде здесь стояли идолы, а в боковых помещениях хранились предметы культовых обрядов, одевания жрецов. Теперь остались только пустые алтари и цветные фрески на стенах. Если судить по ним, большая часть капищ была посвящена трем божествам: некоему триединому женскому, олицетворявшему три возраста прекрасного пола, триединому мужскому, сочетавшему такие традиционные ипостаси сильного пола, как труженик (или, скорее, покровитель ремесел), воин (он же – громовержец) и старый мудрец, хранитель священного знания, и еще одному, половой принадлежности которого я не понял, солнечному. Могу, конечно, ошибаться. В студенчестве я очень увлекался мифологией, но тут, чтобы основательно во всем разобраться, увлечения мало, нужны специальные знания.

В общем, складывается впечатление, что на Радуге обитала своего рода религиозная община. Не могу себе представить богов, которые жили бы в просторных, но все-таки бараках (там даже перегородок нет, всей мебели – столы и лавки вдоль стен), а в собственные капища ходили бы как на работу. Но, с другой стороны, я и самих-то богов представляю себе с трудом...

Как бы там ни было, а после ухода первых обитателей острова их жилища были превращены в складские помещения. Проходы заставлены ларями и сундуками, отдельные предметы развешены по стенам или свалены кучами на полу, кое-где разложены в относительном порядке на лавках. Как будто кто-то начал инвентаризацию имущества, но быстро отчаялся и махнул на все рукой. Или, скажем, лапой...

* * *

Я сознательно не описываю первые дни и особенно часы своего пребывания на Радуге. Ничего особенно интересного в моем поведении нет. Ну повозмущался, поотчаивался, а потом – куда деваться? К вечеру побрел в терем искать обещанную скатерть-самобранку.

Некоторые авторы фэнтези уверяют, будто привыкание к новому миру проходит трудно, однако читатель куда чаще встречается описания того, как герой адаптируется чуть ли не за полчаса. Возможно, мое свидетельство, поскольку я пишу правду и только правду, могло бы прояснить ситуацию, но, как я уже говорил, мне не с чем сравнить свое состояние. Лично я считаю, что могу гордиться коротким периодом бегания по пляжу, заламывания лап и громогласных

призывов «сволочи Заллуса» сюда сей же час. На все про все у меня ушло не более пятнадцати минут.

Но, может, оно в среднем так и бывает?

* * *

Вот только о первом знакомстве, которое я завел на острове, следует упомянуть. Очень уж оно получилось впечатляющим.

Произошло это, дайте припомнить, утром третьего дня. Был я тогда в хандре и меланхолии, и толком даже не помню, как очутился на пляже. Помню, что ночь перед этим выпала влажная, душная, а я ведь тогда с новым телом еще не освоился, мне и в голову не приходило, что я могу плавать. Наоборот, думал, если шерсть намокнет – все, каюк. Слишком ее много, шерсти-то.

Так что я страдал от недосыпа и, как бы помягче выразиться, отсутствия души.

Практически на автопилоте забрел в море чуток повыше колен и сел, скрестив лапы по-турецки. Волны окатывали меня, иногда захлестывая с головой, и это, несмотря на мохнатость, оказалось приятно, даже лучше, чем при человеческой гладкокожести. Если вам нравится, когда вас по голове гладят – поймете, очень похоже, только от макушки до кончика хвоста.

Разомлел я, погрузился в дрему, инстинктивно задерживая дыхание каждый раз, когда подкатывала волна. И поэтому сперва решил, что девушки мне снятся.

Миловидные, не стесненные одеждой, в количестве трех штук, они покачивались на воде, удивительно высоко держась над волнами. Я машинально расправил плечи и обнажил клыки в радостном оскале, но вспомнил о своем обличье и расстроился. Хоть бы во сне в родном теле походить! Однако милашки, похоже, ничуть не смутились – в этом сон не подкачал. Подплыли ко мне шагов на десять и стали звать.

Только молча. Вот она какая, телепатия – будто мягкий толчок внутри головы, слов нет, но ты легко догадываешься, что тебе хотят сказать.

– Какой славный... Какой пушистенький... Иди к нам! Пойдем плавать!

– Это вы мне?

Милашки рассмеялись, причем голоса оказались не такими приятными, как мысли – было в них что-то булькающее. Понятно, почему они предпочитают телепатию – под водой этак разговаривать совсем невозможно. Проще на московском перекрестке в час пик изъясняться морзянкой с помощью клаксона.

– Тебе, – протелепатировала та, что поближе. У нее была золотистая кожа, а волосы явственно отливали голубизной. – Или тут есть кто-то еще?

Как бы желая оглядеть берег, она на миг выпрыгнула из воды почти до бедер, и у меня перехватило дыхание, настолько соблазнительная получилась картина. И чего я переживаю? Это ведь только сон...

– Никого нет, – поспешно заверил я и уже собирался добавить что-нибудь лестное, но Мальвина меня опередила.

– Какая жалость, – вздохнула она, насмешливо наморщив носик. – Слышали, девочки, здесь никого нет. Наверное, этот обаяшка нам померещился.

– Жалко, жалко, – хором согласились ее подруги. – Такой интересный, импозантный, с таким хвостом...

Меня удивило слово «импозантный», только позже я сообразил, что девушки употребили какое-то другое, на своем наречии, просто мозг перевел чужую мысль именно так.

– Если вы про меня, девочки, то я, к сожалению, самый настоящий.

– Почему – к сожалению?

– Разве можно надеяться, что к простому человеку снизойдут такие ангелочки?

Какие, однако, смешливые... А, это их слово «человек» развеселило!

– Какой галантный... Я так и думала, что нам понравится. Пушистик, поплавай с нами! С удовольствием! Я шагнул вперед, и тут все три милашки синхронно нырнули. Плюх! Плесь! Брызги во все стороны, но они не помешали увидеть, как шлепнули по воде... три рыбьих хвоста. Русалки... Ну да, а чего я, собственно, ожидал?

– Пушистик, ну что же ты?

– Иду-иду, русалочки! – откликнулся я и пошел вперед по пологому дну, разводя лапами воду перед собой.

В голове снова раздался хор голосов, но теперь уже откровенно насмешливый.

– Русалки! Слышали? Он думает, что мы русалки! Какое невежество. Дубина сухопутная...

– Что-что? – переспросил я.

– Девочки говорят, что ты, наверное, с Большой Земли, – тут же пояснила Мальвина, выныривая. – Это безумно интересно, и ты нам потом расскажешь, как там что. Только не называй нас пресноводными ногатыми русалками. Мы – ундины.

– Приятно познакомиться, – улыбнулся я. Вода доходила уже до ключиц. – Извините, что перепутал, я исправлюсь. Мы, Чуды-юды, вообще очень сообразительны и все схватываем на лету.

– Этого нам еще не хватало... – толкнулась чья-то тихая мысль, но ее заглушила другая, опять Мальвинина: – Ты еще на дне стоишь?

– Нет, уже плыву. По-моему, твоя подруга что-то хотела сказать...

– Не обращай внимания, это она о своем, о девичьем. Ее парень бросил, вот и телепатит что ни попадя.

– Ничего, сейчас мы ее развлечем, – пообещал я самым обаятельным голосом. – Во что будем играть, девочки? В догонялки? Или...

– Да нет, у нас игра поинтересней, – промыслилось откуда-то снизу, где просвечивали сквозь прозрачную воду два стройных силуэта. Кажется, это та, блондинка подумала. И тут же вдогонку от третьей, рыженькой, донеслось: – Кормлением рыб называется...

Мальвина ласково, но сильно обхватила руками мою шею.

– Идем скорей!

– Постой, красавица, мне опять что-то померещилось...

Ундина тяжело вздохнула и вдруг четко заявила своим подругам:

– Вот говорила я вам, учите языки, их за зубами можно держать. Ладно, он и правда плывет? Тогда начинайте мочить...

Тотчас две прелестные ундины повисли на моих лапах и мощно заработали хвостами, утягивая на глубину, а Мальвина нажала сверху.

– Вы что, девчо... БУЛЬ! – успел крикнуть я.

Что ни говори, а только американцы могли назвать основным инстинктом что-то кроме инстинкта самосохранения. Сон, не сон – едва заподозрив неладное, я сгруппировался и набрал полные легкие воздуха, а это, при нынешних объемах грудной клетки, совсем немало. Теперь у меня была хоть какая-то возможность сопротивляться.

Я дергался и брыкался, пытаюсь вырваться из цепких объятий, но руки у девочек, как обычно у пловчих, были сильными. Кроме того, они слаженно били хвостами, неожиданно закручивая меня то в одну, то в другую сторону, так что я быстро потерял направления верха и низа.

Долетавшие до моего сознания мысли ундин сделались предельно простыми и четкими:

– Крепче. Дай ему под дых. А можно, я пощекочу?

Пощекотать – это хорошо придумано. Я изогнул хвост и мазнул по подмышке блондинки – она тут же шарахнулась в сторону.

– Ай!

– Держитесь, девочки, сейчас я ему уши выкручу! – храбро отмыслила Мальвина. – Море для ундин! За дно родное!

Этот диковинный клич как будто придал рыбохвостым девушкам сил, и, честно говоря, вспоминая ту минуту, я начинаю сомневаться в исходе противоборства.

Но тут на сцене появилась третья сила.

– Ах вы, селедки сушеные, рыбацкая сыть, я вас!.. – пронеслась по-над синими волнами чья-то мысль с явственным мужским привкусом. – Стоять!

Куда там! Ундины кинулись врассыпную.

– Все равно поймаю! Неделю хвостами шевельнуть не сможете!

Я вынырнул, отплеываясь, и от греха подальше двинул к берегу. Однако, едва нащупал лапами дно, прямо передо мной возник обнаженный атлетический торс цвета бронзы с прозеленью. Молодое скуластое лицо было хмурым.

На шее незнакомца висел золотой амулет на массивной цепи. Понятно, откуда мускулы – с этакой тяжестью поди поплавай! Он поднял левую руку, от локтя до запястья украшенную плавником.

– Стоять, сухофрукт! – Не поручусь за точность перевода – сознание не без труда подобрало приемлемый эквивалент диковинному выражению, глубинный смысл которого я так и не понял. – Кто такой, какой породы?

– Я? Пффу... – Я мотнул головой – волна залила нос – Насчет породы сам бы послушал с интересом. А вообще – Чудо-юдо, Хранитель вот этого острова.

– Заллусов холоп? – вслух, с неопределенным, но сильным акцентом пробулькала атлет.

– Парень, я тебе благодарен за помощь, но обзывать-то зачем?

– Помощь? Да нужен ты мне... Просто с Заллусом ссориться не хочу. Тем более из-за тебя. Сам виноват, Чудо-юдо! Ишь, как хвостом забил... Что, девок никогда не видел? Или своих, сухопутных, мало? Что молчишь?

– А я отчитываться должен? Ты сам сперва назовись, чьих такой красивый будешь... Пффу!

– Я – подонный подданный, дворянин Глубук, дельфиний толмач и член законодательного собрания! – гордо объявил он, ткнув пальцем в медальон.

– Приятно – пфф! – познакомиться. Дай-ка я повыше встану.

Будто не слыша, он и не подумал дать место. Тогда я взял его за бока и просто передвинул в сторону. Как-то сразу стало видно, что он, хоть и атлет, ниже меня на три головы, и это открытие незамедлительно сказалось на интонациях.

– Так я о чем хотел поговорить – ты, Чудо-юдо, наверное, захочешь Заллусу пожаловаться?

– Больно надо, – буркнул я.

– Это хорошо, это правильно. Ты на девчонок не обижайся, они это не со зла, а так, по дурусти. Наслушались, что умные ундиниты говорят, а истолковали по собственному разумению. Девки, что взять? Хвост проворный, ум – не очень. Ну посуды: чего море делить? Моря же огромные, их в три раза больше, чем суши!

– В четыре, – машинально поправил я.

– Да? – наивно удивился дельфиний толмач и член законодательного собрания. Подсчитал на пальцах и удовлетворенно кивнул: – Правда, в четыре. Так тем более!

– Замуж вашим экстремисткам пора, вот что, – проворчал я.

Глубука скривило.

– Замуж, – клокотнул он. – И так уже наотдавали за кого ни попадя... Так ты как, не в обиде?

Я смерил взглядом ту его часть, что торчала из воды.

– Скажем, не очень.

– Да не сердись! – Он искусственно рассмеялся и даже похлопал меня по плечу. – Мы вообще-то за мир во всем море. Нет, девчатам я еще покажу, где пескарь икру метал. А так-то мы народ мирный, в чародейские дела не мешаемся. Так что не надо жалоб, а? Ты к нам по-доброму, потом и мы добром отплатим. Как, договорились?

– Ладно, уломал. Потом сочтемся.

– А как же иначе, сочтемся, конечно, сочтемся! – облегченно затараторил Глубук. Потом помедлил и как будто через силу сказал, мотнув головой в сторону рифов: – Ты, если что, приплывай на скалы, пока сезон. Там лунными ночами приличное общество собирается.

– Как-нибудь зайду, – кивнул я, отнюдь не думая, что и правда соберусь, хотя рифы лежали недалеко – примерно в полутора километрах от острова.

На том и расстались.

* * *

Приличное общество собиралось отнюдь не каждую лунную ночь, но, забегая вперед, скажу, что до зимы успел я побывать на тех рифах. Не впечатлился. Приличное общество было исключительно скучным и монотонным. В нем было принято вести разговоры о видах на планктон, миграциях сельди и прочих банальностях.

– Наша касатка слопала пьяного матроса, свалившегося за борт, и теперь страдает отравлением.

– Какой ужас! От людей одни неприятности. Вы знаете, братец Бултых опять заключил сделку с рыбаками Соколиного мыса, пригнал им роскошный косяк трески – и опять не получил ни одной девственницы...

Когда кончались приличные мыслефразы, приличное общество обменивалось приличными улыбками, столь же фальшивыми, как и пожелания успеха в делах. Искренними члены приличного общества были только в своем умопомрачительном снобизме.

Коротко говоря, сии собрания были скучнее американских «party» в кино.

Ко мне относились вежливо, даже заискивали, только ради чего, я так и не понял, а сказать толком никто не решился. Видно, из-за того случая с покушением все боялись осложнений с Заллусом – другого объяснения я не видел.

Однажды среди сидящих на макушке рифа наиболее почтенных матрон я видел отчаянно зевающую Мальвину, но она притворилась, что не заметила меня. Зато я подслушал разговор ее подружек, блондинки и рыжей, из которого узнал, что сезон «приличных обществ» не вечен, и в другое время на рифах собирается «клевая тусня» – позвольте именно так перевести мыслефразу, которая в моем мозгу отозвалась видением расшалившейся стайки шумно митингующих скалярий.

Глубук не пропускал ни одного собрания приличного общества, но никогда не задерживался – наскоро развешивал цветистые комплименты, потом с каким-нибудь почтенным господином отплывал в сторонку, беседовал минут пятнадцать и исчезал. Со мной здоровался быстро, не глядя в глаза.

Ну и шут с ним.

В преддверии зимы сезон закрылся, приличное общество перебралось в другие «салоны», и рифы опустели.

* * *

Заллус не соврал, говоря, что у этого острова своя широта. Рудя отыскал его в Северном море, неподалеку от Даггер-банка, однако климат здесь и впрямь субтропический, вроде крымского. Снег не пролетал даже случайными хлопьями с конца февраля. Март поштормило, но уже к концу месяца резко сменился ветер, воздух быстро стал прогреваться, солнце – весело сиять в облаках, забираясь в полдень чуть ли не на макушку небосклона.

Прогревалось и море.

На юго-восточной оконечности острова, принимавшей штормовые волны, невзрачное зимой мелководе оказалось изумительнейшим пляжем. Вода чистая, прозрачная, дно полугое, усеянное окатышами и раковинами. То и дело мелькают над камнями стайки радужных тропических рыб.

По утрам здесь райские птицы поют-заливаются, ослепительно яркими росчерками порхают в прохладной тени темно-зеленой листвы. Море ласковое, убаюкивающее...

Холодная вода мне и впрямь не страшна, но удовольствия не доставляет, поэтому купаться я начал с конца марта. Сперва сильно раздражала мокрая шерсть, но потом я научился отряхиваться по-собачьи, пообвык и к середине апреля уже плавал всеми мыслимыми стилями и бил рекорды скорости.

Нырять на семь минут, а без движения сумел однажды продержаться под водой двенадцать минут и сорок три секунды (время засекал Платон, сидя на плоту рядом с Рудей и глядя на мои наручные часы).

На горизонте чаще стали появляться паруса, но после безумного викинга на остров пока никто не покушался.

Несколько раз в апреле видел китов, правда, вдалеке.

Настроение, и не только мое, неумолимо улучшалось, кот Баюн, к концу зимы уже не находивший сил утихомиривать нас с Рудей, расслабился, видя, что в ближайшее время мы не вцепимся друг другу в глотки.

Еще апрель запомнился тем, что я стал линять. Зверски! Рудя даже предложил Платону заняться прядением, и новгородский ремесленник вполне расчетливо осматривал мою шкуру, поигрывая резным гребешком.

* * *

Ах да, про Черномора-то я еще не рассказал...

Магический дозор несли чайки. Система сигналов недоразвита – полетают над морем, поглазеют, потом возвращаются и докладывают, что все в порядке, тремя протяжными криками. Если же кто-то приближается к острову, они начинают истерически кружить над головой и орать, как брокеры на бирже. Тогда я иду в смотровую башню, какая-нибудь чайка сопровождает меня, садится там на раму большого круглого зеркала, и отражается в зеркале корабль, увиденный чайкой. Или то, что чайки сочли кораблем.

В первый раз крылатые караульщики повели себя так, когда к острову подплыл кит. Во второй раз отреагировали на прибытие цвейхорновой шнеки.

В третий предсказали прибытие Черномора.

Черномор оказался почти как у Пушкина, низеньким и длиннорылым – еще один довод в пользу прозорливости писателей! Прибыл он на огромном, прямо-таки роскошном плоту, на котором помещались сам Черномор, четыре скуподетые персияночки, четыре еще менее одетых молчаливых мавра с чудовищной мускулатурой и кривыми мечами, два короба на корме, с углем и дровами для бронзового очага и мангала, на котором к моменту прибытия поспевал, шкворча и распространяя одуряющий аромат, шашлык с яблоками, еще кое-какое барахлишко вроде двух топчанов с мягкими подушками, и златотканый шатер посередине. В глубине его за неплотно задернутой занавеской я разглядел блеск оправленного золотом зеркала в полный рост (рост Черномора).

Двое мавров, упершись в дно баграми, остановили плот, и он замер. Интересно, что даже качка его не касалась – вокруг плота в диаметре пяти-шести метров удивительным образом гасли волны и вода оставалась гладкой.

Было это в самом конце осени, за неделю до сезона штормов. Дули северные ветры, воздух уже дышал близкими снегами, но над плотом и атмосфера удерживалась по-восточному жаркая. Впрочем, несмотря на весь антураж, сам хозяин плота не носил ни чалмы, ни длинно-

носых туфель, а носил он кожаные сапожки, узкие штаны и приталенный камзол, а на голове – широкополую шляпу с пером.

Черномор и впрямь не стал сходить на берег, пригласил меня к себе.

Персияночки устроили мне ложе из подушек перед достарханом. Черномор устроился на своем топчане, угостил шашлыком и красным вином. Выслушал и посочувствовал.

– Ай-ай, какая нехорошая история... Да, молодой человек, едва ли тебе можно позавидовать. Хотя, признаться, я бы не рискнул предсказывать твою судьбу. Я не могу противиться Заллусу, поэтому поддерживаю с ним хорошие отношения, но сердце мое обливается кровью всякий раз, когда я вижу, как он поступает с людьми. Что ж, кое в чем он сказал тебе правду. Но... Ах, нет, сперва пообещай, что не расскажешь ему о моих откровениях.

– Обещаю, – сказал я, впиваясь в очередную палку шашлыка, но уже не чувствуя вкуса.

– У острова Радуги, так его обычно называют, давняя история. Это один из островов, на которых, говорят, когда-то жили боги. Это было поистине райское местечко. Но боги ушли, оставив после себя великие магические тайны. Многие колдуны мечтали овладеть Радугой, удалось это только Заллусу. С тех пор он оставлял на острове уже шестерых Хранителей, ты – седьмой. Первым был опальный ундинит...

– Кто-кто?

– Юноша из морского народа. Женщины у них называются ундинами, а мужчины – ундинитами. Так вот, это был племянник морского царя. Он сумел сбежать с острова, когда его отец взбунтовался против владыки. Заллус отомстил ему за отступничество. Потом был демон, оказавшийся предателем: привел на остров другого колдуна, за что и был убит разгневанным Заллусом. Демона сменили поочередно маг и герой, но ни один не стал совершенно надежным Хранителем. Тогда хозяин Радуги и придумал такой обман... Прости, но я еще раз напомним: не говори Заллусу о моей откровенности. Мне никак нельзя с ним ссориться.

– Я сдержу слово, Черномор, – снова заверил я. – Так в чем же солгал Заллус?

– В немногом, – ответил, помедлив, осторожный чародей. – Пожалуй, только в том, что его работники становятся, по сути, рабами. Заллус не скуп. Еще родне ундинита он честно выплачивал обещанные суммы – кстати, на эти деньги брат морского царя и поднял восстание. То же самое было и с остальными, кроме демона, конечно. Однако первый Хранитель, пришедший сюда из другого мира, повторил судьбу человека-героя: так и умер на острове, ни разу даже не увидев Заллуса. Только второй пришелец и колдун сумели вернуться домой. Спустя много, очень много лет.

– То есть им уже не до богатства было? – уточнил я. – О душе пора было думать?

– С человеком, наверное, так и произошло, – кивнул Черномор. – Но колдун нашел способ разрушить чары, наложенные Заллусом, и вернул себе прежний возраст.

– Как?

– Очень остроумно, – не совсем понятно ответил Черномор. – Хотя был гораздо слабее, например, меня, ему помогла смекалка.

– Он... овладел так называемым Сердцем острова? – предположил я.

Прежде чем ответить, Черномор взмахом руки отослал мавров и персияночек на корму, хотя они и без того держались на почтительном расстоянии. И все равно понизил голос, спрашивая:

– Тебе многое известно... Быть может, ты даже видел это Сердце? Знаешь, как оно выглядит, как к нему подобраться и как использовать?

– К сожалению, нет, – вздохнул я. – А разве это могло бы что-нибудь изменить?

– Не исключено, – глядя мне в глаза, проговорил Черномор. – Заллус многим портит жизнь. Понимаешь ли, он не столь силен, сколь ловок. В чем-то даже я мог бы его превзойти. Незабвенный Мерлин, да будет земля ему пухом, вообще не принимал Заллуса в расчет. А

есть и другие... Заллус выигрывает потому, что сила его неоднородна. С одной стороны, это ловкость в перемещении по Цветку, с другой – магия Радуги, охраняемого тобой острова...

Он мялся, явно не решаясь договаривать до конца, и я задал наводящий вопрос:

– Скажи, Черномор, овладев этой магией, колдун, скажем, равный тебе по силе, смог бы одолеть Заллуса?

– Полагаю, что да. Вероятнее всего, да. Особенно если учесть, что этот равный мне по силе колдун без труда нашел бы союзников... Ни на одном лепестке не сумел бы укрыться Заллус. Ни на одном.

– Я не совсем пойму, Черномор. Если ты не знаешь, что такое Сердце острова и как его найти, откуда тебе известно об остром уме того колдуна? – негромко спросил я.

Черномор хлопнул в ладоши, две персияночки, сверкая полуобнаженными бедрами и обнаженными животами, принесли новую бутылку и наполнили нам чаши вином, унесли объедки и расставили на достархане сладости. Лифы у них были совершенно воздушными, и когда они наклонялись...

– Не оставить ли тебе одну из моих девочек? – сально улыбаясь, спросил Черномор.

Я содрогнулся, на миг представив, что успеет подумать любая из этих девочек, оставленная на растерзание страхолюдному мне, прежде чем ее хватит кондрашка.

– За что ты с ними так жестоко?

Черномор понял по-своему:

– Они весьма искусны, и даже одной тебе будет достаточно...

На сей раз, повинувшись властному жесту, девушки отбежали на корму куда проворнее. Колдун проводил их весьма красноречивым взглядом. Надо же, и это Пушкин угадал: старичок-то сластолюбив!

– Они же от страха помрут! Что я, зверь какой... – Я осекся.

Колдун искренне расхохотался.

– Извини. Конечно, ты не зверь, если способен пожалеть даже рабынь. Да, облик твой страшен, и немудрено было бы молодой женщине при виде его лишиться чувств, а то и жизни. Однако, – понижая голос, наклонился он вперед, – знай, юноша, что сейчас я дал тебе хороший совет. Понимаешь, о чем я?

Нет, я не понимал. О чем честно сообщил Черномору, тоже наклонившись к нему.

– Совсем? – упорствовал он. – Ты действительно не понимаешь, о чем речь?

– Честное пионерское, – заверил я.

– Хотя бы предположи! Пойми, юноша, хоть нас никто и не подслушивает, некоторые вещи я действительно опасаясь произносить вслух. Если бы ты сам нашел разгадку...

– Черномор, я – человек из другого мира. С другого лепестка, если хочешь, с совсем-совсем другого края совсем другого лепестка. Ваши магические заморочки для меня сродни китайской грамоте.

– А ты знаешь китайскую грамоту?

– Нет. Это у нас так говорят про все незнакомое. То есть абсолютно незнакомое. Я ни малейшего понятия не имею, о чем ты хочешь сказать. Если ты и правда хочешь...

Черномор в задумчивости оглянулся через плечо и тихо сказал:

– Древние боги, хотя в большинстве своем и воплощали мужское начало, сами охотно поклонялись началу женскому. Оставленная ими в наследство людям магия весьма могущественна, но таит в себе загадочное свойство: она может быть развеяна или обращена... женщиной. Это случается редко, но все же случается.

– То есть, если меня, страшилу такого, полюбит красна девица, я опять стану человеком?

– К сожалению, я не знаю, как это в точности произошло. Сметливый колдун возмечтал присвоить себе Сердце острова, поэтому с какого-то момента перестал общаться со мной, хотя

поначалу охотно обсуждал разные возможности. Мне только известно, что он тайком собрал у себя небольшой гарем. И, видимо, одна из его обитательниц сумела развеять чары.

– И что же Заллус? Просто взял да стерпел?

– Нет. Но в последовавших бедах колдун виноват сам. При развеянии чар он очутился у себя дома, откуда Заллусу было не под силу его достать. Однако вместо того, чтобы затаиться, он тотчас объявил, что знает тайну Радуги, и призвал окрестных магов и чародеев под свои знамена, обещая покорение острова. Призыв имел успех. Наскоро собранная колдовская армия двинулась в поход. Еще в пути агрессоры перегрызлись, и Заллус, тоже умеющий собрать, если нужно, союзников, легко расправился с ними.

– Здорово! И ты хочешь сказать, что, если у меня, человека, в магии совершенно несведущего, получится повторить подвиг колдуна, Заллус оставит меня в покое? Меня, человека, знающего такую важную тайну? И ни в чем не заподозрит тебя, от которого я только и мог узнать способ преодоления чар?

– Ах, как ты невнимателен, юноша. Во-первых, – со снисходительной настойчивостью взялся перечислять он, – во время разгрома зарвавшегося колдуна я был вернейшим союзником Заллуса и сражался в первых рядах, не щадя жизни, так что никаких подозрений не вызываю. Во-вторых, ни от тебя, ни от красных девиц владение магией не требуется, ибо спасительная для тебя возможность составляет самую сущность магии древних богов. В-третьих, именно потому, что ты не колдун, Заллусу нечего опасаться тебя. В-четвертых, сбежав, никому из его врагов ты не сможешь рассказать тайны, потому что отыскать тебя в других мирах все равно никому не под силу. И наконец – Черномор в очередной раз опасливо оглянулся, – ты ведь не станешь, подобно некоему остроумному, но недалёковидному колдуну, замалчивать все, что с тобой произойдет? Скажем так, если ты, добившись успеха, поделишься со мной наблюдениями, может быть, расскажешь, что представляет из себя Сердце острова, то... Заллусу очень скоро станет не до тебя... Что же ты молчишь, юноша?

– Не называй меня так, – попросил я. – Какой, на фиг, юноша? Угодил в Чуды-юды, так и следует прозываться... Ладно, но что дальше? Заллусу станет не до меня – а тебе?

– Тоже. Со времен упомянутого колдуна маги стали осторожнее, на слово не верят. Тому, кто выступит против Заллуса, в любом случае придется сделать тайну Радуги всеобщим достоянием. Один лишний свидетель, человек из далекого мира, уже ничего не будет значить.

Я глубоко вздохнул, глядя на море, неторопливо перебирая в уме новые сведения и, сдерживаясь, чтобы не закусить губу, при моей внешности эта человеческая привычка, мягко говоря, нецелесообразна. Но, по совести, мне завывать хотелось. Это в какую глубокую... яму я угодил!

– Да где же мне найти красну девицу в этакой глуши?

– Не беспокойся: кончится зима, начнется судоходный сезон и гостей у тебя прибавится. Ну и я постараюсь помочь... Буду подкидывать девиц по возможности. Да не вороти морду, о твоём же благе забочусь! – Не знаю, так ли легко читать выражение моей морды, но Черномор справился без труда, и тут же добавил: – О своем, конечно, тоже.

– И что, Заллус позволит мне обзавестись красной девицей? Он ведь должен учитывать такую вероятность, небось, наблюдает за островом денно и ночью.

– Плохо ты знаешь колдовскую жизнь, в ней много событий и мало свободного времени. Нет, конечно, Заллус не отказался бы от наблюдений, но он просто не в состоянии этого сделать. Остров-то отрезан от мира. Если хочешь, можешь проверить: заведи себе пленника и посмотри, придет ли Заллус выяснять, почему на берегу посторонний живой человек.

– Не премину, – заверил я, тогда еще понятия не имея, что довольно скоро бравый саксонец Рудольф Отто Цвейхорн из Готтенбурга блестяще подтвердит слова Черномора. – Интересно, а не думал ли Заллус о такой вероятности, что я крепко разозлюсь на него и попросту

сдам остров первому, кто предъявит на него права? – проворчал я. – Первому встречному колдуну, который будет знать, в чем дело?

Черномор округлил глаза:

– Разве Заллус не сказал, что это означает для тебя смерть?

– Да, но я... не придавал значения.

– Придай. Ты заклят чарами Радуги. Если Сердцем завладеет враг, ты умрешь!

– Спасибо за консультацию, – вздохнул я. – Приму к сведению.

Черномор достал из кармана тонкую золотую цепочку с подвешенным к ней изумрудом в оправе.

– Намотай на лапу под браслетом, чтобы никто не заметил. Если у тебя получится избавиться от чар, вероятно, ты сразу же очутишься дома. Тогда потри камень – я приду к тебе либо явлюсь призраком. Всего несколько слов о Сердце острова... и Заллус тебя уже никогда не побеспокоит.

– Я должен подумать, – проговорил я.

Черномор нахмурился.

– Подумать? Учти, чудовище: если ты выдашь меня Заллусу, терять мне будет уже нечего. Я найду способ отомстить.

– Учту, Черномор, учту. И все-таки сначала подумаю.

– Хорошо, – согласился он. – Я могу понять, как трудно освоиться с положением раба. Однако уже в следующий приезд рассчитываю услышать определенный ответ. – Он спрятал изумруд на цепочке обратно в карман и сказал как ни в чем не бывало: – Заллус просил меня поведать грозному Хранителю о торговле. Повелитель Радуги имеет дела примерно с дюжиной негоциантов, преимущественно английских. Счастливчики, которым дозволено приближаться к острову, имеют вот такой знак.

Он выудил из складок одежды ярлык со змеей, свернувшейся в знак бесконечности, о котором мне рассказывал Заллус.

Мавры и персияночки, услышав, что господин заговорил обычным голосом, расслабились. По знаку Черномора два мавра поднесли сундучок, из которого колдун по ходу рассказа извлекал наглядные пособия.

– Наиболее ценны магические артефакты, связанные с мореходством, например, волшебные стрелки, которые, будучи положены на плавающую в воде деревянную плашку, всегда указывают на север. Еще выше ценятся браслеты, подобные тому, который ты носишь на лапе, с таким же узором, но более тонкие и соответственно слабые. Одинарные браслеты позволяют утихомиривать волны. Мой браслет, – Черномор, задрав рукав, продемонстрировал блестящее обручье, сплетенное из двух витых цепочек, – как видишь, пошире, поэтому справляется с любым штормом, это уже редкая работа, если встретишь похожие, ни за что не продавай. Ну а твой, самый массивный, совершенно исключителен, второго такого на свете нет.

– Вот, кстати, хорошо, что речь зашла. Не подскажешь, как им управлять? Я уж и тер его, и на камни нажимал...

– Не надо ничего тереть и нажимать, – удивился Черномор. – Этот браслет был изготовлен давным-давно для первого морского царя. Достаточно пожелать, и ты успиришь любую бурю, либо поднимешь волну высотой с гору.

– Черномор, это было первое, что я испробовал. Просто пожелал. Ничего не случилось.

– Странно. Браслет наполнен магией, я это чувствую. Если хочешь, спрошу у Заллуса, в чем тут дело. Так, на чем мы остановились? Ах да. Браслеты следует продавать не более одного за раз. Волшебные стрелки – не более двух. Большим спросом среди мореплавателей пользуются вот такие амулеты, – он извлек из сундука аляповато вырезанную из кости фигурку довольного толстощекого мужичка. – Предохраняют от морской болезни, что бывает очень ценно, когда на борт поднимается знатный, но подверженный сему скорбному недугу человек.

Эти амулеты также следует продавать не более двух штук в одни руки. Может быть, лучше тебе записать?

– Я запомню...

Коротко говоря, список товаров, подлежащих вывозу за пределы острова, включал еще с десятков наименований. Там были зерна злаков, которые прорастают и дают урожай в любом климате, охотничьи манки, приманивающие любую дичь, и даже скатерти-самобранки. Последние, кстати, были дешевле всего, из-за жесткой конкуренции со стороны Русской земли.

Что везти в ответ, купцы знали сами. «Они не первый день замужем», съюморил Черномор и добавил к инструкции Заллуса существенную деталь: если какая-то вещь не поместится в ларец с тремя орлами, ее следует передать через самого Черномора.

Причем низкорослый бородач, оказывается, тоже не прочь был поучаствовать в экономической жизни острова.

– Заллус обычно не возражает, если я делаю свой маленький гешефт, – пояснил он. – Так что, если ты подыщешь для меня что-нибудь поинтереснее самобранок, мои ответные услуги не вызовут никаких подозрений, – он выразительно подвигал бровями, намекая на прежнюю часть разговора. – Кроме... гхм, наложниц, могу предложить табак и кофейные зерна. Заллус говорил, на вашем лепестке это весьма ходовой товар.

– Табак не надо, – решительно отказался я. – А вот кофе давай, с превеликим удовольствием. Ну что ж, спасибо за угощение и увлекательную беседу! Однако пора и честь знать.

– Питаю надежду на то, что мы расстанемся в полном благорасположении друг к другу, каковое сделает возможной новую встречу в столь же теплой и приятной обстановке, – выпалил Черномор так гладко и отрепетированно, что я не сразу распутал словесный клубок.

– М... не сомневайся. Заплывай через месячишко, думаю, как раз осматрюсь к тому времени.

– Мои передвижения ограничены напряженной работой. Но при первой возможности навещу. Что ж, до встречи, юноша... Позволь, но ты так и не назвал своего имени! А я, невежа, забыл поинтересоваться, – несколько обиженным тоном, давая понять, что истинный невежа здесь я, опечалился Черномор. – Как тебя зовут, Хранитель?

Я уже было собрался назвать свое имя, но тут вновь блеснуло зеркало в глубине шатра, и я со вздохом сказал:

– Да что уж... Называй Чудом-юдом.

* * *

Все это, конечно, меня не оправдывает, но, по крайней мере, теперь вы можете понять, почему всю зиму я ходил злой, как уксус. Колдун-работодатель все не спешил меня проведать, Черномор тоже будто сгинул. И что оставалось? Думать, как и обещал? Да, я думал. Но без достоверной информации это занятие неблагоприятное.

Кому верить? Черномор так все логично с виду объяснил, был так доброжелателен, что поневоле заподозришь подвох. Если один колдун нечестен, что стоило соврать другому? По всему судя, совести у этих колдунов дефицит. Хотя нет, неподходящее сравнение – дефицитный товар отличается тем, что широко востребован...

Один из колдунов врет – который? И могли ли оба наврать? Наверное, смотря в чем. По крайней мере, островные «богатства» едва ли безразличны Заллусу, и он должен быть кровно заинтересован в их сохранении. Но в сущности он и поставил меня в такие условия, что деться некуда – или играй по предложенным правилам, или... Ему ведь даже убивать не обязательно – превратит в какую-нибудь мышь бессловесную...

Но, может быть, тепло только Черномор, а Заллус сдержит слово? Он ведь во многом оказался прав – я освоился, продолжил эту его магическую торговлю, будь она неладна. Он должен быть заинтересован в том, чтобы работник чувствовал удовлетворение. Все-таки экономическая выгода – серьезный движитель честности в тех исчезающе редких случаях, когда

она выгодна. Черномор слишком явно завидует Заллусу, и если всерьез намерен перехватить у него Радугу, не остановится ни перед чем. И тогда он обязательно должен опорочить моего работодателя, чтобы склонить меня на свою сторону.

Если все так, то водоплавающий колдун – гадюка подкодная. Неужели он настолько талантливый актер, раз уж Заллус ему доверяет? Наверное... Опять же, я ведь полный профан в специфике колдовских взаимоотношений. Может, у них промеж собой – законы чести нерушимые, и вот только один такой Черномор отыскался, что готов слово нарушить, а Заллус даже вообразить не способен такое коварство? Не смейтесь, я сам понимаю, как это звучит, но хотя бы по теории вероятности – может такое случиться в одном из бесконечных параллельных миров?

Закончились мои сомнения на том, что я вспомнил о миллионах и успокоился. Осталась только одна мыслишка: если Заллус так и не появится в условленные полгода, это уже будет о чем-то говорить...

* * *

Первый из обещанных негоциантов нарисовался дня через три или четыре после Черномора. Признаться, сидя в зарослях и ожидая, когда пузатые щеки приблизятся к берегу, я немного нервничал. Вроде бы что такого, пора работать как договаривались, но волновался я больше, чем когда впервые понес на утверждение собственноручно состряпанный рекламный модуль: опыта никакого, голова уже болит из-за сомнений, посеянных Черномором, да еще комплекс по поводу внешности откуда-то из глубин подсознания выскочил.

Над мачтами трепетали белые флаги со змеей-восьмеркой. Когда суда заякорились, над волнами разнесся гулкий рев медного рога. Под его звуки с передового корабля спустили челнок, в котором разместились четверо гребцов и, по всей видимости, самолично негоциант в парчовом камзоле. Гребцы ладно ударили веслами и за минуту донесли челнок до берега, однако высаживаться гости не стали, недоуменно оглядывая пустой пляж. С корабля все дудели в рог – видимо, меня вызывали.

Ну ладно, вот он я. Получите и распишитесь...

Когда хмурое, обвешанное волшебными цацками чудовище с подрагивающим кончиком хвоста приблизилось, люди в челноке слегка опали с лица, однако купец – вот что значит культурный человек – быстро взял себя в руки.

– Приветствую тебя, чудовище! Не ты ли новый Хранитель острова, о котором любезно предупредил нас почтенный Заллус? – чисто, без малейшего акцента спросил он.

– Ну я. А ты кто такой?

Купец снял широкополую шляпу и церемонно представился:

– Джон Гуилкрафт, аккредитованный негоциант английской короны при дворах Испании, Бургундии и Дании, старинный знакомец многотимого Заллуса.

Судя по тону, именно последнее должно было отрекомендовать его с лучшей стороны.

– А я Чудо-юдо, – представился я.

– Да, я знаю. Все Хранители Радуги называются Чудами-юдами. Ты позволишь мне ступить на берег?

– Да ради бога, – широким жестом пригласил я. – Айда ко мне, я как раз хотел пообедать.

Гуилкрафт, уже перекинувший ногу через борт, поспешно запрыгнул обратно в челнок.

– Заллус не забыл тебе сказать, что купцы под змеиным флагом неприкосновенны?

– В каком смысле? – удивился я. – Ты что, решил, будто я собираюсь пообедать тобой?

– Э нет, конечно, нет!... – замялся аккредитованный негоциант. Яснее ясного было, что именно такую гадость он про меня и подумал.

– Не хочешь – как хочешь, – обиженно пожал я плечами и достал из сумки преysкурant. – Выкладывай, с чем приехал.

Вообще-то я все запомнил, что Черномор говорил, но после его отплытия на всякий случай записал основную информацию. Пришлось попотеть: нормальная бумага на острове была, а вот чернила через раз попадались волшебные, то есть по большей части «шпионские», исчезающие при высыхании, почему, кстати, и сами являлись довольно ходким товаром. При появлении на горизонте змеистых флагов я, движимый неосознанным стремлением придать себе презентабельный вид, застегнул на пузе найденный в одной из комнат широкий пояс. Вид у меня вместо презентабельного сделался совершенно несерьезным, зато, подвесив к поясу плоскую кожаную сумку, я обнаружил, что это довольно удобно, и положил свой прейскурант в нее.

– Мне есть чем обрадовать Заллуса, – расцвел Гуилкрафт. – После долгих поисков мне наконец-то удалось раздобыть секретные дневники великого заклинателя демонов Иосафа Виссариона Гиадского. Здесь он подробно излагает, как привлечь демонов на государственную службу, а также причины, по которым никому впоследствии не удавалось от них избавиться. – Он достал из стоявшего на дне сундучка кипу потрепанных листов, стиснутую двумя дощечками и перевязанную тесьмой. – А вот и подвески английской королевы.

Вслед за дневником на свет явились ослепительной красоты ювелирные изделия.

– И какое в них волшебство? – спросил я.

– Никакого, – пожал плечами негоциант и внятно повторил: – Подвески английской королевы!

Странное дело. Согласно черноморовым инструкциям, волшебная торговля осуществлялась по простейшему принципу – баш на баш. Ценность островных товаров измерялась предельным отпускаемым количеством, а все привозное не глядя считалось достойным обмена. С дневником понятно, заклинание демонов – самое колдовское занятие. Но при чем тут какие-то подвески?

Или это для какой-то разновидности магии? Наведение порчи или приворот через личную вещь... Е мое, в чем я участвую! Это же уголовщина неприкрытая! И Гуилкрафт хорош...

– Ах ты, гусь! Тебя правительство аккредитует где ни попадя, а ты на родную королеву чары накладывать помогаешь?

– А если королева – дура? – неожиданно взвился купец. – Что ты понимаешь в английской дипломатии, зверюга страшная? Да я, если хочешь знать, страну спасаю! Русские рвутся из Балтики, все восточное побережье страдает от набегов викингов, ирландские и шотландские дикари мешают развитию портов, мы, со всех сторон окруженные водой, точно бедные родственники, вынуждены пользоваться одним несчастным Корнуоллом... Только брак с Клавдием Датским способен открыть для Англии Северное море! А ее вдовствующее величество, видите ли, втрескалась по уши в бургундского красавчика Роберта, сына старого пройдохи Луи Филиппа... – выдохшись под конец этой прочувствованной речи, Гуилкрафт налился краской и, тяжело вздохнув, заключил: – Не трави душу, чудовище, самому противно.

– Ладно, давай, – махнул я лапой. Чего я буду из-за англичан переживать? Пусть сами разбираются. Тут еще как посмотреть, может, моя деятельность наносит вред родной Руси? И то еще вопрос, если в своем мире я жил в бывшей союзной республике, то могу ли здешнюю Русь родной называть?

Как себя идентифицировать, если исчезает точка отсчета – неизвестно. Это только в фэнтези герои, где приземлятся – там и новую родину находят. А в реальной жизни – сплошная морока с этими путешествиями по параллельным мирам...

– Что взамен берешь добра?

– Мне нужны две волшебные стрелки, самобранка и гламурное зеркало.

Я сверился с прейскурантом – да, было такое. «Свет-зеркальце», которое отражает человека красивее, чем он есть. Не более одной штуки в руки.

Помню, я еще поспорил с Черномором – почему эта явно бесполезная вещица ценится наравне с такими исключительно мощными артефактами, как погодный браслет? Но он уверял, что никакой ошибки нет. Я потом отыскал одно гламурное зеркало на складе, посмотрелся – да нет же, полная фигня. Ну глядит на меня из глубин Зазеркалья помесь таксы с сенбернаром. Если не придираться, то довольно симпатичный барбос получается, но я-то знаю, что я не такой!

– И кому оно только нужно? – пожал я плечами.

– Женщинам, – как само собой разумеющееся пояснил аккредитованный негодант.

Я подсчитал «стоимость заказа» и сказал:

– Неувязочка получается. Стрелки – это единица, гламурное зеркало тоже. За два предмета две единицы. Самобранка лишняя.

– Правда? – Гуилкрафт вздернул бровки домиком. – Ну раз лишняя, значит, не надо самобранки.

– Вот и я так думаю. Ладно, жди здесь, сейчас принесу.

Ларчик с доставленными Джоном предметами я сразу отнес в терем, потом прошелся по складам (я еще плохо помнил, где что лежит). Гуилкрафт, ожидая меня, отчего-то весь извелся.

Мельком осмотрев принесенное, он сказал:

– Чудо-юдо, раньше чем через три месяца я никого из наших не увижу, поэтому обращаюсь с просьбой. Передай Заллусу, что мне нужно магическое оружие. У него, я знаю, есть запас.

– Как же я ему передам?

– Но ведь он придет за товаром! Или тебе не дозволяется обращаться к нему? – удивился купец. – Хм, так ты не слуга, а безъязыкий раб?

– Фильтруй базар, брателло! А то как дам в лоб, три дня слабить будет... Я наемный работник!

Сам поражаюсь, как легко и непринужденно слетели с губ эти в общем несвойственные мне слова. Гуилкрафту бы сразу осадить меня, напомнить, что тут не малина воровская и разговаривать принято по-человечески... Но он только забормотал невнятные извинения, и я не просто догадался, а ощутил, как он меня боится. М-да... Осаживайте хамов, товарищи, и желательно вовремя!

– Передам, передам, не трясись. Забирай барахлишко и сваливай, пока не разозлил меня!

Тихо-тихо сидевшие доселе гребцы заработали веслами с энергичностью доброго дизеля лошадок этак на пятьсот...

Так я впервые исполнил свои непосредственные трудовые обязанности. Вроде бы все нормально, а настроение не очень. Правда, чего бы Заллусу не приходиться за товаром, почему вообще сам дела не ведет? Настолько занятой или так наплеватьски относится к своему владению?

«А вот как я передам ему просьбу Гуилкрафта?» – размышлял я, закладывая приобретения в ларец для переброски.

И вдруг замер.

Странно, с каких это пор мне мозги столь кардинально изменяют? Не иначе, с тех самых, как я вообще согласился на всю эту авантюру.

Я выгрузил рукопись и подвески, разыскал бумагу и написал «служебную записку»: так, мол, и так, аккредитованный негодант Джон Гуилкрафт просит оружие. И постскриптум: надо поговорить, не забежишь ли на пару минут? Посидел, выжидая, пока чернила просохнут, рассеянно вертя в когтях почему-то засветившийся амулет. Нет, чернила обычные оказались, записка не исчезла. Тогда все вместе загрузил в ларец и закрыл крышку.

Подождал несколько секунд, потом любопытство одолело, заглянул – в ларце было пусто. Вот это эффективность! Теперь остается надеяться, что «почтовый ящик» в обе стороны действует.

Заинтригованный возможностями магии, в следующие полчаса я раз двадцать, не меньше, проходил мимо ларца, и наконец дождался ответа. В прибывшей бумажке было всего три строки:

«Никакого оружия!

P.S. Изволь больше не писать мне ядовитыми чернилами – это неостроумно.

Заллус».

Как это ядовитыми?.. Матерь Божья, так вот с чего амулет светился! Я прислушался к себе, но тревожных симптомов не обнаружил. Видно, лечащая магия оказалась сильнее. И только успокоившись, я обратил внимание, что по поводу моей личной просьбы Заллус не высказался ни единой буквой.

Я взял новый лист, отнес ядовитые чернила на место и уже искал нормальные, как вдруг подумал: а что я, собственно, намерен спросить у Заллуса? О судьбе прежних Хранителей, о том, нельзя ли мне завести девушку? Любой из этих вопросов выдаст Черномора с головой.

Но и не писать уже нельзя, мало ли что Заллус заподозрит. Хорошенько все обдумав, я нашел приемлемый вариант, и следующее произведение эпистолярного жанра выглядело так:

«Заллус!

Что же ты не заходишь посмотреть, как я устроился? Если некогда заглянуть на огонек, хоть письмецо черкни. Я что спросить хотел: когда мне первый отпуск положен?

Еще любопытно, что за неряха жил здесь до меня. Сплошной беспорядок. За чернила извиняюсь, но, если честно, виной твоя небрежность. Как я должен ядовитые отличать? Ты бы зашел, помог разобраться со складом, а то я шевельну что-нибудь не то, и весь остров на воздух пушу.

Чудо-юдо».

Вот так, сплошная забота об условиях труда.

Письмо исчезло мгновенно, но ответа я так и не дождался. Уже среди ночи, перед тем как идти спать, нацарапал еще одно, но котелок варил уже слабо, и я смутно помню только, что оно пестрело едкими и по большей части неуместными «не соизволите ли-с» и так далее, а подписал я его «искренне твое чудовище».

На следующий день подождал до обеда и на свежую голову сочинил письмо более обстоятельное и сдержанное, содержащее искреннее недоумение пренебрежением работодателя в отношении трудящихся. Сломал два золотых пера и изорвал когтями четыре листа бумаги, в чернилах извожился так, что отмываться пришлось не меньше часа. Зато и натренировался в обращении с древним письменным прибором – хоть садись роман пиши.

Чтобы не томиться ожиданием, пошел на ближайший склад сортировать уже знакомые волшебные вещи. В те дни я еще не знал, что скоро накатит промозглая, штормовая зима, и рассчитывал в скором времени встречать новых купцов. Когда вернулся – в ларце меня ждало мое собственное послание, сложенное вчетверо, только теперь его украшали два высочайше начертанных слова: «Мне некогда».

* * *

«...Пойдем, братие, на полночь – уделъ Апета, сына Ноеви, откъго Православный Русский народъ сталъ еси. Взыдемъ на горы Киевские възглядети на славный Днепръ, а пѣтомъ и на все Землю Руськую, отъ Києвы да Нова Города, отъ Нова Города до Володимера, отъ Володимера до Бряньчи и отъ Бряньчины по всеямъ руським сиротскимъ...» [4].

Библиотека, занявшая один из жилых некогда срубов, и впрямь была шикарная. По примерным подсчетам в ней находилось не меньше тысячи пергаментных фолиантов в деревянных, обтянутых кожей переплетах с золотым тиснением, около полутора тысяч рукописных и печатных изданий меньшего формата из плотной, ломкой на вид бумаги, и около пяти тысяч свитков, хранящихся в деревянных тубах. Большинство трудов было иллюстрировано либо

выполненными от руки невероятно искусными миниатюрами, либо – в наиболее свежих изданиях – гравюрами.

Наверное, библиотека и вправду могла удовлетворить любой вкус.

Здесь были Ветхий и Новый Заветы, агиографии: жития святых и удивившие меня «чудотворства», моления, хождения, видения, поучения, назидания, хроники, анналы, деяния, слова, повести, сказы, сказания, землеописания; правды и судебники.

Были научные труды по медицине, астрономии (или астрологии – разница не ощущалась), растениеводству, географии, металлургии, богословию, изобразительному искусству, гражданскому праву, архитектурному строительству, алхимии, риторике, ратному ремеслу, математике, любовному услаждению, геральдике, истории, демонологии, травоведению, филологии, генеалогии, кораблестроению и даже предсказанию грядущего по картам Таро... Тракаты, суждения, размышления, описания, возражения, открытия и предикции [5].

Была поразившая мое воображение разновидность живописного альманаха – иконописный «Рублевский изборник».

Была литература художественная, драматургическая, эпическая и лирическая: романы, поэмы, стихотворения, повествования, оды, новеллы, сатиры, трагедии, басни...

Были в Радужной библиотеке династические хроники и филантропические утопии, чьи-то мемуары, эпистолярные – ставшие достоянием образованного человечества дневники и переписки, какие-то декларации и соглашения, даже чьи-то счета.

Это были книги на языке русском и добром десятке каких-то братско-славянских, на латыни и греческом, на английском, немецком, французском, арабском... А также предполагаю, на персидском, китайском, санскрите и как бы даже не на шумерском – по крайней мере, клинопись там точно была.

Я худо-бедно разбирал только русский и самые близкие, то есть наиболее братские славянские – это был еще во многом древнерусский, хотя и заметно продвинувшийся вперед по сравнению с языком «Слова о полку Игореве».

Вся остальная библиотека для меня сводилась к картинкам.

«От той Каялы великая беда была Русской Земле, а могла стать погибель, как вещал Иеремия Заточник в годы Ярославовы. Помнить надобно уроки разброда княжеского да неверия народного, посему учу: единая вера православная Русь спасла...»

Особенно трудные недели перед Новым годом (который я пропустил, потому что не обнаружил на острове ни одного календаря, а со счета дней, подсказанного Черномором, как назло, сбился) библиотека мне скрасила. Многие тексты были написаны языком простым и стройным, как, например, вот эти «Уроки безвременных лет». Встречались, конечно, и другие случаи. Скажем, «Задонщина», которая попала мне в первую очередь, пестрела очевидными даже для меня орфографическими и синтаксическими ляпами, изобличавшими сильное желание и совершенное неумение автора работать со «старыми словесы». Особенно удивляло то, что «Задонщину» и «Уроки» не разделяло и полвека: Куликово поле упоминалось в «Уроках» как событие недавнее.

По всей видимости, литературный язык Руси проходил стадию становления, отфильтровывал отжившие свое грамматические излишества, проникался логикой четкого и ясного мышления – не вырождаясь при этом в набор сухих, безжизненных схем.

А вот что происходило с историей Руси в этом измерении, точно сказать не могу. К сожалению, знаний, полученных в годы учебы, не хватает даже для того, чтобы толком сопоставить обе линии развития, не говоря уже о выработке критического отношения к источникам. Кое-что, конечно, бросалось в глаза. Например, я вычитал, что в этом мире название Ледового побоища закрепилось за битвой, произошедшей не на Чудском, а на Псковском озере, и не в 1242, а в 1245 году, но объяснить эту разницу я не берусь.

По всей видимости, различия коренились где-то в начале тысячелетия, потому что к настоящему моменту Русь, часто именуемая в документах Московской, представляла собой сильную державу, покрывающую часть Литвы и Польши, практически хозяйничающую в Балтийском море, имеющую «уделы» (видимо, разновидности колоний) на побережье Черного моря и активно стремящуюся в воды Атлантики. Европейские государства еще не кристаллизовались, но уже считались самыми сильными Шведская, Английская и Бургундская короны (хотя последнюю, как сказал летописец, за истекшие сто лет «держали в руках три знатных рода и лапали шесть проходимцев»), значимыми – Норвежская, Испанская и Датская. Остальные короны тоже заставляли считаться с собой, но еще слишком часто переходили из рук в руки.

А нынче был год примерно 6950, ну, плюс-минус десять лет. От сотворения мира. Этот счет так и остался на Руси, хотя и счетом лет от Рождества Христова авторы владели легко. Мне все-таки пришлось поднапрячь память, чтобы сориентироваться, вспомнив позабытое со студенческой скамьи число 5508, составляющее разницу между этими летоисчислениями.

То есть, округляя, была где-то середина пятнадцатого века. Это уже потом Платон просветил меня, что я не так уж и ошибся в своих предположениях: встретились мы с ним в лето Господне 1445-е...

* * *

Можно понять, что, начитавшись, я страсть как захотел на все это посмотреть. Забродило в душе томление... А тут еще русскоязычные книги кончились, погода испортилась, лапы заныли – да лишний раз напомнили, что мне в таком обличье не только в культурные города, к самым распоследним дикарям соваться зазорно. И даже опасно.

С Рудей пытался говорить о Руси – он только плевался, фашист недоношенный. Но и о милом сердцу Фатерлянде что-то не спешил много рассказывать. По некоторым письменным свидетельствам и отдельным фразам рыцаря я догадался, что единой Германии на политической карте мира пока не наблюдалось (имелись в наличии только «единые духом», Саксония, Нордсаксония, в память о наголову разбитом ордено – Тевтония, а также Рейнландия, Тюрингия, Бавария, Швабия и еще кое-что по мелочи). Но нельзя не признать, фрицы держались молодцами. Между собой дрались редко, хозяйничали в западной части Польши, тревожили датчан, иногда ругались с силезцами, грызлись и мирились со шведами, всячески поддерживали латов, тоже принявших католичество, и ливонцев – небольшое, но вредное государство, которое образовалось на месте Ливонского ордена после его окончательного разгрома и подмяло под себя большинство племен эстов. Дважды крепко дрались с французами, один раз оставили за собой победу реальную, другой раз – моральную (я выяснил это, как-то попросив Рудю перевести парочку воинственных баллад из тех, которые он исполнял длинными штормовыми вечерами).

Вот и все, что удалось из него выжать насчет политической обстановки в мире. Ну еще то, что в морях не продохнуть от славян и викингов – те, оказывается, так и разбойничают на водах при полном попустительстве шведского короля. Англичане и французы, конечно, совсем стыд потеряли, там, дальше, испанцы косяками по Атлантике ходят, с косяками турок сталкиваются, под боком датчане чего-то хотят...

Из обмолвок Руди можно было заключить, что впечатляющих морских успехов не было только у внутриконтинентальных стран. У всех остальных впечатляющие морские успехи были. Кроме немцев, что, собственно, Рудю и нервировало.

И кот в просветители не годился. Он жил жизнью простого говорящего кота и политикой не интересовался совершенно. Так что до поры до времени я оставил походы в библиотеку – надоело тупо рассматривать картинки и ругать себя за то, что даже английский учил в свое время кое-как. Да и от того толку мало: язык шекспировской эпохи другого мира все-таки заметно отличался от языка мировой дипломатии мира нашего.

* * *

Работа на волшебных складах увлекала, но по большому счету шла из лап вон плохо. Не хватало ни знаний, ни должного чутья. Хоть бы Заллус банальную опись предоставил, просто список названий артефактов, уже бы проще было ориентироваться! Я пару раз обращался к колдуну через «почтовый ящик» с такой просьбой, но мои письма так и остались без ответа, что внушило мне самые скверные мысли.

Часть имевшихся на складе предметов еще можно было классифицировать на глазок, опираясь на сведения, почерпнутые из сказок. Однако имелся там солидный процент вещей либо неволшебных, либо неведомо как активируемых. С другой стороны, терем, оказывается, тоже таил в себе сюрпризы.

У Руди как-то струна на мандолине лопнула, а он тогда только-только от шока отходил после знакомства со мной, музыка ему помогала. Припомнил я, что видел нечто подобное в кладовке, сходил и притаранил Руде подобие лютни.

Помните гусли-самогуды в сказках? Которые всех плясать заставляли? Так вот, очень похожий эффект, только коленца мы откалывали не русские народные, а французские бальные. В роли кавалера был я. Рудя едва дотянулся до лютни, но исхитрился-таки положить ладонь на гриф, когда нас в очередной раз мимо лавки пронесло. Только тогда лютня смолкла, и мы смогли перевести дыхание.

С тех пор я ко всему новому без лишней нужды не прикасался, а при необходимости старался проверять предметы. Так отыскал более-менее безвредную струну для Руди.

А однажды нашел комплект одежды, прикинул на глаз – Рудин размерчик. Свою-то рухлядь благородный дворянин стирать решался, только когда, пардон, штаны хрустеть начинали. И то, коли уж доводилось, краснел как рак и весь день не решался смотреть мне в глаза. Ну постыдной у них, у рыцарей, считается всякая работа!

Наверное, в любом времени есть свой процент таких людей.

А тут, значит, подвернулись мне камзолчик и штанишки с кармашками, шляпка, опять же, вполне средневековая, с широкими полями. Еще проверил специально головной убор – не невидимка ли, надел, внимательно себя осмотрел. Нет, все в порядке. Ну думаю, порадуя саксонца. Отыскал его в тереме, шляпу без лишних разговоров на котелок ему нахлобучил, остальное протягиваю: «Носи, немчик!»

Гляжу – а от немчика бледная тень осталась, полупрозрачная такая. Повертелась тень, на руки свои глянула, к зеркалу метнулась – и в крик: «Schwarze Magie!», в смысле: «Заколдовал! Погубил!» То есть сперва-то я его «шварце» за «швайне» принял и тоже ругаться стал, потом уже сообразил, в чем дело. Шляпа и впрямь была волшебной, но на меня почему-то не действовала. Стал я ловить Рудю, а он, перепуганный, бросился бежать, выкрикивая что-то уже совсем нечленораздельное. Еле догнал...

Кот Баюн все это время тихо стонал от хохота. Если на меня шляпная магия действовала вполсилы, то на него не влияла вообще, и ему, видите ли, было совершенно непонятно, как можно попасться на такую простую уловку.

Но, как говаривал старина Вольтер, все к лучшему в этом лучшем из миров. А может, и не Вольтер это говорил, но все равно правда. Кот у нас тогда всего четвертый день жил, и в такой тоске пребывал, что жалко было на него смотреть. Хотя бы взбодрили мы его невольным спектаклем. Честное слово, этому даже Рудя обрадовался. Виду не подал, но я догадался по тому, что храбрый фатерляндец, избавившись от «черного заклятия», не стал обвинять меня во всех смертных грехах.

Но вперегонки с Рудей – это еще ерунда, за неделю до этого довелось мне за сапогами-сороходами погоняться, вот это да! Там такие тесемки есть, которыми голенища друг к другу притянуты, так вот, оказывается, их надо развязывать, только когда сапоги уже на ногах...

По счастью, скороходы боялись воды и с острова в любом случае никуда бы не делись. И все равно настичь их так и не удалось, пришлось звать Рудю и брать загоном, используя принесенную со склада же сеть. Хотя я сильно подозреваю, что, не будь эта сеть тоже волшебной, сапоги по сей день петляли бы между пальм.

* * *

На следующий день после истории со скороходами – а день выдался приличный: ломота в пояснице отпустила, море поуспокоилось, и мне пришло на ум, что Черномор воспользуется затишьем, навестит Чудо-юдо – я взялся экспериментировать с другими сапогами. Их там около дюжины пар, и я решил не рисковать, а подобрать для колдуна самый простой товар. Я обвязывал скороходы веревками и распускал тесемки, на глаз определяя прыткость. Потом еще выносливость – для этого насыпал доверху песка, привязывал грузы. Наконец отобрал самые квелье и принес их в терем, чтобы были под рукой.

Чайки в тот день, как назло, трижды давали ложный сигнал, все на какие-то бревна реагировали. Но я каждый раз подолгу стоял у зеркала, осматривая водную гладь. Это действительно были не древесные стволы, даже не бревна – гладко обтесанные доски. С непривычки я не сразу понял, что это может означать.

Но так больше ничего и никого не высмотрел.

А наутро чайки возвестили прибытие Черномора. Колдун остался верен своему плавсредству, только шатер на нем высился меховой, а магическое поле успокаивало волны в радиусе не менее пятнадцати метров. Персияночки были одеты в шерстяные платья, а мавры (синеватые от холода, но все равно гордые отменной мускулатурой) – в кожаные безрукавки. Я положил сапоги в мешок и вышел навстречу, слегка прихрамывая на левую лапу: в колене постреливало, не иначе, к вечеру с запада подует... Самый мерзкий этот ветер, который с запада...

– Счастлив лицезреть могучего Хранителя Радуги в добром здравии! – польстил Черномор.

– Счастлив лицезреть мудрого чародея в тепле и уюте, – отозвался я.

– Прошу тебя разделить со мной тепло очага и уют плавучего дома.

На сей раз он пригласил меня в шатер, где был установлен все тот же бронзовый очаг. Курились ароматические палочки, пахло пряностями и маслами, таинственно покачивались шелковые занавеси. Зеркало в золотой оправе было мутным и ничего не отражало. Подле него стоял кальян, а рядом с кальяном неподвижно сидел большой дымчатый кот.

Снова было угощение, и я объелся. Поговорили о погоде, о кулинарии. Я рассказал колдуну, что такое пицца. Он заинтересовался и в качестве ответной вежливости раскрыл мне некоторые тонкости использования скатертей-самобранок.

Я пытался вызнать у него, какова нынче в мире обстановка, но тут Черномор замкнулся, ограничившись простым:

– На морях беспокойно. Каждая держава хочет быть королевой морей, чему тут удивляться?

И более ничего внятного. Похоже, политика была колдуну безразлична. По-настоящему волновали его только дела волшебные. Когда персияночки заставили достархан сладостями и унесли пустые блюда, Черномор наклонился ко мне и зашептал:

– С прискорбием сообщаю, что пока ничем не могу помочь тебе, Чудо-юдо. Я не занимаюсь живым товаром и вопреки многочисленным гнусным слухам не ворую женщин... во всяком случае с тех пор, как остались за плечами золотые годы молодости. Однако поспешу обнадежить могучего Хранителя: вполне вероятно, к лету я смогу раздобыть то, что тебе нужно. Имею на примете сразу трех девиц, причем самых разнообразных. Юная ханша из Мавераннахра, именем Айгуль, прекрасная, как цветок, посвященная в тайны магии и астрологии. На нее есть заказ у одного джинна, и вполне вероятно, он справится с заданием. Я с ним сторгуюсь.

Пусть лучше бедняжка послужит твоему освобождению от гнета чар, чем сластолюбию коварного султана-заказчика. Далее, в замке владельца Кента проливает слезы над своей несчастной судьбой некая Анна-Мария, чей род по отцовской линии восходит к самому королю Артуру. Бедняжке грозит выгодное, но всем сердцем ненавидимое замужество. К жениху она поедет в мае и, думаю, когда увидит прохиндея вживую, легко согласится сбежать на волшебный остров. И наконец есть на примете одна русская, боярская дочка Софья. Ее отец на смертном одре, и родственники ждут не дождутся, когда придет пора наследство делить. Бедняжке ничего не светит. Тихоня, никаких особенных талантов за ней не замечено, волшебства в роду у нее не было. Но я подумал – пусть будет обычная девушка для разнообразия. Потом, если с этими не получится, еще по простолюдинкам пройдемся.

«Тоже бедняжкам, конечно», – подумал я.

– Давай не будем торопиться, Черномор. Как-то дико подумать, что из-за меня...

– Это в твоих интересах, – напомнил колдун. – Впрочем, понимаю твое состояние. Но смею заверить, это быстро пройдет.

– И все-таки, пока не прошло...

Он пристально всмотрелся мне в глаза и еще тише проговорил:

– А может быть, могучий Хранитель уже отыскал на острове что-то... любопытное? Что-то, из-за чего ему уже не требуется помощь ученого мага?

– Да нет, ничего я не нашел.

– Точно? Совсем-совсем ничего?

– Да говорю же, нет! Если бы нашел, так, наверное, это было бы видно!

– Наверное, было бы... – согласился Черномор и вздохнул: – Что ж, не будем торопиться.

В конце концов, эти девушки уйдут – другие появятся. Девушек на свете много... Очень много... – Он одарил меня доброй улыбкой. – А пока поговорим о другом. Не подобрал ли ты для меня особого магического товара?

– Да нашлось кое-что. А ты со своей стороны что выставляешь?

– Как договаривались, табак и кофе. Ах да, ты же от табака отказался... Ну ничего, табак не завалается. Тем более, в этом году он исключительно хорош – ах! – Он демонстративно закатил глаза. – Душистый, мягкий...

– Не надо, – твердо сказал я, подавляя уже почти забытые чувства. Никогда не был так близок к возобновлению дурной привычки.

– Как пожелаешь, – сказал Черномор голосом, подразумевающим: если – когда – подумаешь, только намекни, только глазами блесни... – А кофе вот, изволь, три жбанчика.

Он откинул кусок шелка, открыв лежавшие рядом на полу три наглухо закрытых деревянных жбанчика, заодно ненароком явив распахнутую плоскую коробку с туго свернутыми табачными листьями. Сигары, блин... Всего два раза в жизни курил сигары, но оба раза с удовольствием...

– Вот, понюхай.

Черномор протянул мне один из жбанчиков, легким движением снимая крышку и заодно – я заметил – как-то краем рукава пододвигая поближе ко мне коробку.

Кофе пах хорошо. По-настоящему. Жарким бразильским солнцем, маревом над сельвой. Сигары пахли еще лучше.

Хороший он торговец, этот Черномор. Гораздо лучший, нежели интриган. Думаю, привези он девиц, я бы не сошел на берег без гарема освобожденных от лютой судьбины бедняжек.

– Подходяще, – почему-то хрипло сказал я и положил рядом с достарханом мешок. Развязал его и выложил скороходы. – Вот.

– Что это? – не без прохладцы спросил Черномор.

– Сапоги. Скороходы.

– Это?

Я кивнул.

– Не знаю, какое видение тебя обмануло, мой друг, но ты ошибаешься.

Ну нет, на такой мякине меня не проведешь!

– Можем проверить, – равнодушно пожал я плечами. – Достаточно развязать вот эти тесемки. Плот – не остров, думаю, мы быстро их поймаем. Но уверяю тебя, многомудрый чародей, на берегу они действовали отменно. Сегодня утром проверял.

– Не сомневаюсь в этом, – кивнул Черномор. – И, поверь, прекрасно вижу, что эти... изделия действительно наделены магией. Проблема в другом: их можно назвать как угодно, но только не скороходами. Позволь немного просветить тебя в классификации колдовских вещей: они бывают уникальными, при этом всегда самыми лучшими, бывают широко распространенными – и тогда, как правило, просто неплохими. А бывают куда и ни на что не годными. Так вот, сия... обувка, похоже, относится к четвертому, доселе вообще невиданному классу.

– Эти сапоги умеют передвигаться самостоятельно, – не отступал я.

– Заблуждение! – решительно возразил Черномор. – Способность шевелиться отнюдь не означает способности к передвижению. Цветок тоже умеет шевелиться, когда тянется к солнцу, но с места не сдвигается.

– Эти сапоги – сдвигаются. Я сам видел.

– Да, но это единственное, в чем они способны превзойти растущий на земле цветок! Любой черепахе они уже проигрывают.

– Ничего подобного! На острове хватает черепах, я проверял! Сапоги быстрее. Кроме того, они выносливее черепах.

– Неужели? Не идет ли речь о маленьких черепашках? Стыдись, ты мучил детенышей...

– Я люблю животных! Однако... ни на чем не настаиваю, – с деланным равнодушием откинулся я на подушки. – Если тебе не нравится мой товар – что ж, от этого хуже только мне.

– Воистину так! А мне бы очень не хотелось отягощать твою и без того незавидную участь...

– Что поделать? Если уж товар так плох... Признаться, я подумал, что чародеи этого мира мудры! Что они не спешат делиться секретами магического искусства с простыми людьми, дабы не выродился род людской в лени и праздности, – продолжал я. Свои умозаключения об отношениях между магами и окружающим миром я строил на летописных упоминаниях о распространении христианства, из чего заключил, что маги, хотя и не подвергаются здесь массовым гонениям, все же отнюдь не чувствуют себя полновластными хозяевами. – Это было бы поистине неразумно и даже жестоко по отношению к людям...

– Конечно, так оно все и есть, – согласился несколько сбитый с толку Черномор.

– Но это означает, что на свете должно быть много людей, просвещенных в магии намного меньше даже меня, которые никак не способны сравнить достоинства одних сапог-скороходов с другими. Между тем, обуреваемые алчностью, манией величия и другими не красящими человека пороками, даже за самое незначительное колдовство эти люди готовы выложить любые деньги.

Черномор ничего не ответил, но по лицу его я понял, что угадал.

– А значит, даже за эти сапоги четвертого, невиданного доселе класса ты можешь выручить золота достаточно, чтобы покрыть расходы на три жбанчика кофе и коробку сигар.

Колдун взял сапоги, осмотрел со всех сторон, провел пальцем по швам, погнул подошву. Даже внутрь залез, что-то прощупывая, потом с брезгливой миной отряхнул руку от влажного песка.

– Когда-то я сам такие делал, – сознался он. – По паре за полгода. Доходное дело, только очень уж муторное, но в молодости надо на что-то жить... Скажу по секрету, единственное достоинство этой пары – почти неистраченный заряд. Вёрст этак триста они еще осият. Поверь, в противном случае я не дал бы за них и ломаного гроша.

– Приму к сведению. Значит, уговорились?..

– Только кофе. Один жбанчик.

– Два! По числу единиц товара.

– Ну для первого раза... – улыбнулся Черномор. – Только чтобы установить торговый контакт – два жбанчика кофе.

– Один жбанчик и три сигары!

– Сколько? Их у меня всего-то дюжина, а знаешь ли, сколько они стоят? Особенно при том, что в мире гораздо больше распространен опиум, а те немногие, кто ведаёт секреты табака, пользуются преимущественно трубками!

– Жбанчик и две си... и одна сигара!

– Это просто возмутительно... Да во всем цивилизованном мире ценителей табака можно по пальцам пересчитать, и каждый готов заплатить за одну сигару меру золота!

Я скрипнул клыками.

– Пригоршню кофе и сигару...

– Еще две пары скороходов – и все твоё.

Я помолчал и с невольным вздохом поднялся на ноги:

– Подожди. Я скоро.

Рудя, наблюдавший за персияночками из окна на верхнем этаже терема (я на всякий случай велел ему не высовываться), спустился, когда я пересекал двор. Только глянув на мою морду, предположил:

– Там тот колдун, кто тебя чароваль?

– Нет, – ответил я, поудобнее пристраивая перекинутые через плечо сапоги. По счастью, как раз еще две пары не очень резвых под рукой были. – Но тоже хорош. Живодер, кровопийца...

– Вампир?

– Нет, торгаш.

– Еврей?

– Хуже.

Хуже, с точки зрения Руди, было уже некуда, но он поверил. Сочувственно покивал головой:

– Все колдун суть богопротивни негодяйе.

– И не говори...

Новые сапоги Черномор встретил такой грустной улыбкой, что я и впрямь подумал, не обворовываю ли почтенного старца.

– Забирай. Я дал слово и держу его, – чуть ли не со слезой попрощался он с товаром. – Надеюсь, в другой раз ты не станешь разорять меня такими предложениями? У меня ведь и других забот хватает, кроме как отыскивать по свету дурачков, согласных на подобный, с позволения сказать, товар.

– В следующий раз я подготовлюсь получше, – заверил я, заворачивая приобретение в пожертвованный колдуном кусок сермяги.

– Что тебе еще привезти?

Об этом я не думал. В принципе, на острове есть все необходимое для жизни. Даже наверняка больше, просто я не все еще знаю.

– Да ничего особенного... Ах нет, постой, европейскую одежду на человека вот такого роста, – я показал лапой, – сложения атлетического!

– У тебя гости? Хорошо, привезу!

Я сошел на берег. Черномор помахал мне рукой, я ему лапой. Мавры налегли на багры. В тот же миг серая тень, скользнув между маврами, перемахнула линию прибоя и материализовалась у моих лап в виде того самого дымчатого кота.

– Баюн! – воскликнул ошеломленный Черномор. – Немедленно вернись!

– Ни за что! – крикнул кот в ответ. Да-да, человеческим голосом. Красивым таким, грамотно поставленным баритоном. – Все, кончилась твоя власть надо мной, сатрап!

Мавры, повинаясь жесту Черномора, опять подогнали плот к берегу.

– Ах ты... Не смей позорить меня перед посторонними! Сей же миг прыгай обратно. Иначе страшный и лютый Хранитель Радуги съест тебя!

Черномор выразительно посмотрел мне в глаза и даже подмигнул заговорщически, но я подыгрывать не стал – слишком глупо получилось бы.

– Пушистые хвостики! – насмешливо воскликнул названный Баюном кот; потом я узнал, что это выражение на их языке приблизительно эквивалентно нашему «ох ты, батюшки!». – Неужели и впрямь надеешься, что я обманусь? Найди кого поглупее.

– Чудо-юдо, – явно смущаясь, сказал Черномор, – пожалуйста, окажи любезность, возьми этого шkodника и болтуна за шкуру и отдай мне.

Кот моментально отпрыгнул в сторону, хотя я и так не испытывал желания охотиться за ним. Может, мое новое тело и способно развить нужную скорость, но на поворотах легкий кошак непременно обойдет меня. Да и неловко как-то разумное существо – и за шкуру...

– Что же ты хозяина расстраиваешь? – попробовал уговорить я кота.

– Какой он мне хозяин? Я свободное существо, а этот старый хрыч – тиран, негодяй, бесчестный мерзавец! Ммя-у!..

Черномор в отчаянии оглянулся на своих мавров, но едва те шагнули с плота на песок, Баюн отбежал к зарослям, задорно подначивая:

– Ловить надумали? Ну давайте, давайте!

Мавры с тоской оглянулись на колдуна. У Черномора опустились руки, и лицо таким несчастным сделалось, что стало мне жаль старца.

– Я его потом поймаю. Подманю.

– И что? Будешь держать в мешке, куда я не приплыву?

– Что-нибудь придумаю, – пообещал я. – А кто он вообще такой?

– Кот Баюн, разве не видно? Тварь неблагодарная... Жил у меня в достатке, нужды не ведал. Мышей ловил не по приказу, а исключительно ради удовольствия... Ах, что теперь, – тяжело вздохнул колдун. – Пускай поживет на острове, где ни молочка никто не нальет, ни за ушком не почешет. Быть может, поумнеет, сам потом придет прощения просить. Ты уж с ним не очень строго, ладно?

– Хорошо, – пожал я плечами, не спеша ни в чем переубеждать. То есть гладить кого-то при моих когтищах – это изощренная форма садизма, но чтобы живую тварь голодом морить...

Мы попрощались, мавры вернулись на борт, и плот заскользил по морю.

– Еще попомнишь меня! – неслышно вернувшись к линии прибоя, крикнул вслед Баюн. – Ничто не вечно, и твое беззаконие тоже! Ммяу-у!

Очевидно, громкий крик давался ему нелегко, он с шумом перевел дыхание. И вдруг обратился ко мне:

– Привет. Не обращай внимания, это наше с ним личное. Палач! – выкрикнул он еще, но скорее для проформы: плот отошел от острова на полкабельтова, между нами бушевали волны, а Черномор что-то втолковывал своим маврам.

– Что вы с ним не поделили? – поинтересовался я.

– С Черномором-то? Место под солнцем, – Баюн сказал это без всякого пафоса, и я не сразу понял, что он шутит. – Я же говорю, это наше с ним личное. Не сошлись во взглядах... на проблемы популяции говорящих котов, если коротко. А если не коротко, то это только меня и Черномора касается. Ничего, в другой раз приплывет, еще прощения попросит.

Почему-то особенной уверенности в последней фразе я не услышал.

Отойдя от накатывавших волн, он сел на песок и стал приводить шерстку в порядок.

– Говорящий кот, надо же! – не удержался я.

Баюн оглядел меня с ног до головы и вроде как хмыкнул. Да, порой забываю, в каком я обличье...

– Значит, от меня не будешь убегать? Тогда айда, дома причешешься, – позвал я.

В отсутствие магической атмосферы плота сделалось промозгло, а кофе и сигары, хотя и молчали, не давали о себе забыть.

– А ты, мне кажется, не совсем чудовище, – не отрываясь от дела, заметил кот.

– Знал или догадался?

– Вижу. Глаз наметан. Ну вроде бы все... пошли. Только давай на берегу договоримся: ты про «поймаю» забудь. Беспокойства я тебе не доставлю, не такой уж и балбес. Дом твой, ты в нем хозяин, я гость. Веду себя прилично, кроме питания, ничего не требую. Молочко – это можно, но не обязательно. А всякие глупости насчет почесать за ушком – даже не думай. Не люблю.

– Договорились.

Мы поднялись к терему, Баюн бежал на полшага впереди, с интересом озираясь. Я глядел на него и диву давался.

В причудливый же мир меня занесло! Колдуны, морские царства, волшебные острова, коты-баюны... А я от всего изолирован. Где-то драмы разыгрываются, свершаются деяния и события насыщают время, которое потом благословят историки и романтики. По законам жанра мне бы полагалось активно включиться в местный исторический процесс, а я сижу на своем странном клочке суши, облеченный полномочиями моей странной должности. И, что греха таить, уже тихо косею от безделья.

Рудя встретил Баюна настороженно, но кот, мигом разглядев разбросанное по углам барахлишко саксонца, в частности, гербовый щит, обратился к нему: «Гутен таг, херр brave риттер», – чем тотчас расположил к себе, хотя от дальнейшего разговора на немецком отказался, сославшись на неполное знание языка.

В общем и целом Баюн прижился у нас довольно легко. Чужая душа потемки, а кошачья – и подавно тьма египетская, однако он оказался вполне компанейским парнем. Да, что-то его тяготило, и, по всей видимости, он страшно скучал по дому (о котором ни разу не рассказывал), но в отличие от меня и Руди, умел держать себя в лапах и не отравлять существование окружающим. В общем, был среди нас наиболее зрелым и рассудительным.

Однажды он обмолвился, что годков ему тридцать пять, но мы с Рудей не поверили, а он не стал настаивать, и вот это как раз убедило меня в том, что кот не приврал.

Интерес к делам острова он проявлял ограниченный, к моим изысканиям поначалу был абсолютно равнодушен – лишь много позже увлекся, когда я сам попросил его о помощи.

О Черноморе Баюн старался не говорить, а когда все-таки проскальзывало слово – было таким кипуче-ядовитым, таким неподдельно яростным, что дрожь пробирала. Интересно все-таки, какая кошка между ними пробежала?

* * *

Пасть, похожая на медвежью, не предназначена для того, чтобы пользоваться человеческой посудой и уж тем более – крошечными кофейными чашечками, которых я настрагал себе из чурбачков при помощи когтей. Как выяснилось, для того чтобы потягивать сигары, она тоже не очень-то подходит.

Но я приспособился. Разок видел в зеркале, как для этого скукоживаться приходится – озноб пробил. Но это проблема решаемая – отвернись и пей...

Баюн и Рудя, конечно, смотрели на меня квадратными глазами. Однако эту проблему я решал примерно так же, как и зеркальную.

Der brave Ritter, напрочь лишенный тактичности, проявленной котом, поначалу обвинял меня в черном колдовстве. Объяснения не воспринимал. Что ж, незабвенный Марк Твен

довольно точно описал реакцию средневекового обывателя на курение, и поведение Руди меня не удивляло. Но я благодушествовал и безмятежно предавался порокам цивилизации, никак не реагируя на его провокационные речи, и Рудя со временем сам успокоился. Может, заметил, что в такие минуты я сравнительно безопасен, не грублю и не подначиваю. Привык, в общем.

Говорят, хорошая мысль приходит опосля. Это про меня. Что стоило в первый же день поинтересоваться талантами хвостатого беглеца? Но как-то закрутился, а Баюн потом не напоминал. Он вообще о себе не любил говорить, и хотя в целом разглагольствовал обильно, никогда не выводил себя в главные герои историй, которых знал бесчисленное множество.

И только в марте к слову пришлось полюбопытствовать, не владеет ли котофей, скажем, иностранными языками? Оказалось, владеет. Правда, большинством через пень-колоду, как тем же немецким, например. Так, на уровне «здрате – до свидания – какой прекрасный день – и сколько это стоит? – сколько-сколько? – это можно есть?» (последнее во всех модальностях, то есть от «этим не отравишься?» до «я это скушаю, ладно?»). Однако оказалось, что Баюн прилично болтает по-английски, худо-бедно разбирает греческую письменность, а на латыни шпарит, как академик.

Я тотчас сагитировал его провести денек в библиотеке, и вскоре наши посиделки там стали постоянными. Даже Рудя несколько раз приходил, но читаемые приятным баритоном котофея тексты в лучшем случае казались ему скучными, а в худшем – лживыми, он начинал спорить, я тоже вспыхивал, Баюн как мог нас успокаивал. Саксонский шовинист уходил с гордо поднятой головой. В общем, библиотека так и не стала для него чем-то значимым.

Латинские тексты и меня увлекли далеко не все. По большей части это были научные труды, отличавшиеся либо глубокой специфичностью, либо исключительной наивностью. Однако и от них был прок.

Например, настоящим потрясением для Баюна стал труд некоего Иоганна Крамера «О кругах небесных». Если в этом мире суждено родиться Кеплеру и Галилею, бедняги почувствуют себя обделенными: Иоганн Крамер их опередил. Сожженный, как следовало из предисловия, по приговору инквизиции в 1389 году на центральной площади Франкфурта ученый доказывал сферичность Земли и прочих небесных тел, вероятное взаимоподобие Земли, Марса, Венеры и прочих планет, а также их движение по круговым орбитам вокруг неподвижного Солнца.

Ознакомившись с умозаключениями достойного Иоганна Крамера, кот позволил себе ворчливое замечание, что такой галиматии он отродясь не слыхивал и что, возможно, инквизиторы не всегда блистают исключительно паранойей, олигофренией и вагинофобией. Я недолго думая воспроизвел памятные со школьной скамьи аргументы. Мы заспорили, школьных аргументов оказалось недостаточно, я стал апеллировать к мнению не жившего еще в этом мире Коперника. Наконец обратился к авторитету своего времени. Рассказал о многом, даже о Гагарине. Баюн вдруг оборвал спор, заявив, что человеческие дела его мало касаются, и мы взялись за другую книгу. Однако с тех пор я не раз замечал, как он подозрительно присматривается к движению теней, щурится на солнце, разглядывает луну и звезды.

Больше всего меня интересовали труды по истории. Кот не возражал, но именно эти чтения стали в изрядной мере причиной того, что наш Отто Цвейхорн библиотеку почти возненавидел. Шла ли речь об «Османских завоеваниях», «Русских мореходах» или «Крестовом походе 1202 лета Господня», он всюду видел искажение истории жидами и прочими еретиками во имя гибели истинной веры. Единственным историческим трудом, получившим благожелательную рецензию Руди, было «Изгнание иудеев из Англии». Утверждение литовского хрониста, будто ливонские рыцари почти двести лет назад «убоялись имени татарского» он назвал славянской ересью, «Деяния Рудольфа Габсбурга» – ересью жидовской (там были колкие замечания насчет жестокости усмирителя раубриттеров), «Осаду Ковно» – ересью, понятное дело, литовской.

У него все были еретиками: евреи – потому что предали Христа, русские – потому что сопротивлялись натиску на Восток, силезцы – потому что никак не становились добропорядочными немцами, давали приют польским ересям и не способствовали натиску на Восток, поляки – потому что не подчинялись немцам и не создавали подходящего плацдарма для натиска на Восток, французы – потому что клевали немцев в спину и мешали осуществлять натиск на Восток, испанцы – потому что не мешали французам мешать немцам осуществлять натиск на Восток, англичане – потому что мешали немцам спокойно плавать по морям и тем ускорять натиск на Восток.

Особенно ядовито отзывался он о зулусах, про которых знал только то, что живут они где-то очень далеко и зря небо копят, потому что не имеют вообще никакого отношения к натиску на Восток...

Но хуже всего то, что при этом у Руди все были жидами либо жидовскими прислужниками. Даже немцы: когда заходила речь о положении дел на родных землях, оказывалось, что вообще-то добропорядочными немцами могут считаться единственно саксонцы, ну, отчасти еще нордсаксонцы. Рейнландцы были узколобыми делягами, тюрингцы – распутниками, баварцы – лентяями и так далее. Все города отдавали бразды правления коварным иудеям и неуклонно погрязали в ересях. Однако же народ стонал, честные граждане скорбели, патеры взывали, а немногочисленные, но твердые духом германские дворяне стремились.

Все ждали избавителя в виде носителя национальной идеи (это я уже своими словами передаю). Каковым Рудя явно намеревался стать, наслушавшись моих рассказов про чистоту крови и арийские корни.

Да ладно, нужно ли все это расписывать подробно? Все мы знаем, как это бывает. Рудя выделялся из легиона оболваненных сопляков только двумя обстоятельствами. Главным образом тем, что он был первым. Если национал-социалистическая мысль Фатерляндского ордена пока не продвинулась дальше провокации еврейских погромов и повышения пошлин, то у Руди действительно был шанс стать идейным вдохновителем.

Второе же необычное обстоятельство заключалось в том, что его учитель, некое волшебное Чудо-юдо, на такой эффект никак не рассчитывало. И даже терзалось муками совести, что заставляло его периодически предпринимать попытки разубедить доблестного фатерляндца... Примерно это выглядело так:

– Хо-хо! В любой, самый дикий страна спроси любой житель: «Эй, житель, как звать торговца, который ближе?» Житель тебе скажет: Исаак или Соломон. Как звать содержатель притон? Абрам или Израиль. Кого ни звать – есть иудей! И тогда смотреть: деньги идут в еврейский руки. Где еврей, богат, там еврей ступай в городской ратуш и правься над честный католик. Честный католик везде гнет спин для еврей. Долговая яма – изобретение от еврей! Потом перед Пасха не хватайт вина для причастий... А потом младенцы пропадают! Ты знать, что иудей пить кровь наших детей?

– Дубина! – срывался я. – Ну кто тебе это сказал?

– Все знать.

– Кто – все? Кто-нибудь конкретно подсчитал, где и сколько младенцев пропало в твоей Саксонии?

– В Саксонии юде нет! Почти. Но по всему миру расплодилось черная зараза...

– Да нет, ты, зараза белокурая, не юли, ты мне прямо скажи: кто-то твоих младенцев подсчитывал?

– У меня нет младенцев, – Рудя густо краснел.

– Да я вообще имею в виду во всем мире. Ну сколько их в мире жидами украдено?

– Весь мир никто не мочь посчитать.

– Ну хорошо, возьмем немцев в целом. Нет, шире, включая, скажем, французов и поляков. Ты способен ответить на прямо поставленный вопрос или нет? – уже рычал я.

– Да зачем считать? И так все знают кровавый истин...
– Ты факты давай! Факты, факты!
– Что-что я? – шалел Рудя, почему-то считая, что я вздумал обратиться к нему по-английски.

– Доказательства! – ревел я, брызжа слюной. – Сколько младенцев пропало? Кто доказал, что исчезновения связаны именно с евреями?

– А с кем же еще?

– О, Donnerwetter! [6] Назови имена людей, которые своими глазами видели, как евреи пьют кровь христианских младенцев!

Рудя пожимал плечами:

– Кто мочь видеть, если это есть тайный мистерий? Честный католик туда не мочь пройти.

– А, кроме того, честный католик не станет смотреть на подобное непотребство и закроет глаза, – вставлял кот.

– Вот именно! – воодушевлялся, не чувствуя иронии, Рудя. – Зачем смотреть, если и так все знают? Жид надо бить, а не считать.

– Вот – идеальный образчик фашизма: действовать не рассуждая. Только действовать и, упаси боже, ни о чем не думать!

– Ты говорить «думать», мы говорить – «словоблудии»! Мир погряз в ересь, думать некогда, надо выжигайт ересь с огонь и меч!

От мировых проблем плавно переходили на личности.

– Такие молодчики, как ты, способны оправдать любое преступление! Можно ходить по колено в крови и считать, что совесть твоя чиста, потому что служишь великой идее. А все потому, что своих мозгов нет, вот и нахватываешься всякой дряни со стороны, лишь бы эта дрянь красиво звучала.

– Ты так говорить, потому что есть враг Фатерлянда и христианства! Ты есть воплощение ересь: славянин, русише дикарь, которого Спаситель не защитит от черний кольдовство! Попущением Божьим ты есть облик зла всего мира: отвратительный чудовищ с заблудший душа!

– Парни, парни, ну зачем же так грубо? – запоздало спохватывался Баюн.

– Ах ты, тварь, Нибелунг паршивый, немчура немытая, мало мы вас под Сталинградом...

– Мерзость и кошунство, мало ми вас под Псковом...

Ни под Псковом, ни под Сталинградом ни один из нас не был, но это не мешало.

Однажды я спросил у Руди, сам-то он из которых: кто «думайт» или кто «делайт».

Потомственный рыцарь, то есть по жизни серый «делатель», почувавший шанс стать великим «думателем», Отто Цвейхорн, по-моему, обиделся.

* * *

Господи, избави остров Радуги от евреев! Я-то ничего, коту начхать, а вот что с Рудей делается... или с евреем, если я не успею вмешаться...

Хотя, быть может, я сгущаю краски? Рудя, пока не вспоминает о том, что он фатерляндец, католик и вообще антисемит, вполне приличный парень. Мирится же с фактом моего существования. А ведь все, что он про меня наговорил, с его точки зрения – абсолютная истина. Он действительно обязан – и по рождению, и по убеждениям, – воспринимать меня именно как воплощение мирового зла.

И ничего, уживаемся!

И с котом у него проблем нет, несмотря на то, что Баюн тоже воплощение языческих ересей, к тому же из «диких» славянских краев.

Так, глядишь, занесет к нам иудея, Рудя и с ним смирится...

Или дело в другом?

Все наши с Рудей размолвки кончаются, как правило, более или менее навязчивой демонстрацией моего физического превосходства. Даже если Отто Цвейхорн раздобудет коня и взгромоздится на него в полном рыцарском облачении, ничего он со мной сделать не сумеет.

А вот чисто теоретически – что, если бы самым сильным из присутствующих был наш *der brave Ritter*? Под чью бы дудку все плясали? Сам я считал бы разумным спорить об исторических судьбах иудейского народа, до которого мне, если честно, дела намного меньше, чем до собственной участи?

Сохранил бы Отто Цвейхорн способность примиряться с действительностью? Ох, сомневаюсь. По себе сужу: ведь, честное слово, в человеческом своем существовании не был я никогда ни вспыльчивым, ни заносчивым, ни хамоватым. Ну про свою философию мирного сосуществования я уже говорил, повторяться не буду. И что со мной стало?

Бытие, быть может, и не определяет сознание во всей его полноте. Но вносит существенные поправки, это точно.

Итак, что бы стало с Рудольфом Отто Цвейхорном? Правильно: стал бы он еще стремительней меня хамом, тираном и самодуром. А мы бы и пикнуть не смели.

Так что пусть лучше буду сильным я, чем неизвестно кто...

* * *

Под самый занавес субтропической зимы случился шторм баллов этак на семь или восемь. Волны бушевали пять дней, потом море поутихло. И тут чайки, малость одуревшие от патрулирования при бешеном ветре, принесли весть о чем-то приближении.

Волшебное зеркало в смотровой башне показало широкую доску, за которую цеплялись два человека. Не зная, на какую часть пляжа их выбросит, я попросил Рудю пройти на запад, кота – на восток. А сам встал на южном плесе.

Потерпевших вынесло точно на меня.

Один из них, русоволосый, с растрепанной бородой, был полуголым и терял сознание от холода. Другой, рослый блондин, тоже бородатый, в кожаном нагруднике и с топором за поясом, хотя и был далек от обморока, отнюдь не производил впечатление здравомыслящего.

– Мужики! – подбегая, прокричал я. – Живы? Не бойся, сейчас в тепло отнесу!

Здоровяк бормотал спутнику что-то вроде «сидусту хандартёкин». Даже не догадываясь, что это может быть за язык, я постарался хотя бы голосом выразить совершенную доброжелательность.

Полуголый едва шевелился, но старался выползти на берег. Волны набегали со спины, хватали за ноги и тянули назад. Здоровяк, привычно замирая под каждым накатом, тащил его вместе с доской. Он поворачивал голову на мой голос, но намокшая длинная челка мешала смотреть, и только утвердившись на берегу, он сумел разглядеть, кто спешит на помощь. Вздрогнул и схватился за топор, проорав:

– Яйе! Один ок Фригг!

Тут до меня дошло, что передо мной скандинавы. Шведы или норвежцы. Причем, как ни странно, язычники. Впрочем, мне не до странностей было.

– Тролль хейм! Нидинг Ланн!

Не ручаюсь за произношение, но примерно так это звучало.

Ограничившись этой не совсем понятной, но явно нелестной характеристикой, скандинав набросился на меня, занося широкое полукруглое лезвие.

Он был усталым, а мое новое тело обладало прямо-таки роскошной реакцией, так что вернулся я без труда.

– Слышь, мужик, не дури!

Спутник скандинава, пластом лежавший на мокром песке, попытался встать и вдруг произнес по-русски:

– Торфин, оставь! Он же нам добра хочет...

– Это тролль, хевдинг сэтроллей, куннинги! Он убьет и сожрет нас... Во имя Одина, умри! – мешая языки, крикнул Торфин и ударил топором снизу.

М-да, может, я поторопился хвастать реакцией? Глубокой раны не случилось, но болезненная кровавая черта пролегла по правому боку. Я попытался ударить скандинава тыльной стороной ладони, он пригнулся и, выпрямляясь, от души приложил мне обухом поперек морды, пнул и повалил наземь.

– Торфин!

Я успел откатиться, и серое лезвие, едва царапнув по шкуре, вонзилось в песок. Пока скандинав вновь воздевал его над головой, уверяя своего миролюбивого спутника, что он есть «тупоглавый рус» и «блейда», я уже поднялся на лапы.

– Идиот, я же тебя покалечу!

Ответом мне послужила неразборчивая вереница старонорвежских ругательств. Топор свистнул в опасной близости от моей глотки. Лицо скандинава, иссеченное шрамами, быстро теряло сходство с человеческим. Зрачки сузились, ноздри уродливо раздулись, на губах появилась пена.

Дважды я его опрокидывал, и не сказать, чтоб особенно мягко – он вскакивал, как на пружине, и вновь бросался в атаку, изрыгая уже совершенно нечленораздельный рев. А когда я в третий раз повалил его и вжал в песок, он сумел приподнять меня и вывернуться. Я слышал, как хрустят его кости и суставы...

Передо мной был самый натуральный берсерк на пределе боевого безумия.

И когда он в третий раз задел меня, чиркнув топором по лапе, в моей голове тоже что-то пережмурило. В носу возник пронзительный запах крови, в ушах зазвенело. С предельной ясностью я осознал, что передо мной смертельный враг. И точка.

Я разделался с ним в три удара.

Порыв ветра привел меня в чувство. Сухо шелестели жухлые пальмы, кричали чайки. Русскоязычный спутник берсерка молча сидел неподалеку. Его трясло – но не думаю, что от зрелища, он наверняка всякого навиделся. Просто ветер был холодным.

Песок под лапами был черно-багровым. Когти на лапах тоже. Я ничего не чувствовал. Вид разорванного тела не будил в душе смятения. Мысли не метались, были предельно простыми и ясными.

– Отпустило? – спросил так и не урезонивший скандинава товарищ, «тупоглавый рус» и «блейда».

– Ты о чем? – спросил я.

– По глазам вижу, что не в радость тебе убийство. Жаль, конечно. Жил божий человек, жил, а тут раз – и не стало его. Да только Торфин – а его Торфином зовут... звали – иначе кончить не мог. Так уж ему Господь на роду написал. И ведь говорили ему умные люди: зря от Христа отворачиваешься. Не можешь не буйствовать – ладно, но и о смирении помни. Смирение, брат, спасет тебя... Не слушал. Как волокло нас по морю, говорил: хоть бы берег, сушу увидеть, речь живую услышать – я, говорит, и Христу поклонюсь. А вот как оно вышло-то...

Слева к нам уже мчался кот, справа месил песок Рудя.

– Ты сам-то кто? – спросил я, поднимаясь.

– Я-то? Платоном меня кличут, Платоном Новгородцем.

– Как же тебя с Торфином на одну доску занесло?

– А я полонянин был. Меня да еще человек, того, два ли, три ли десятка – всех не видел – до саксов везли. А тут Господь бурей пожаловал, испытание ниспослал. А торфиновичей на борту после давешнего дела мало осталось, и выволокли они нас, пять али шесть душ, с-под палубы, вервие рассекли и на весла усадили. Закон у викингов строг: с кем весло делил, с тем, считай, побратался. И когда драккар, шняку ихнюю разбойничью, развалило, Торфин сам мне руку протянул. Полдня в воде... Только двоих нас волны и вынесли.

– Идти сможешь?

– Смогу, – кивнул Платон Новгородец.

Однако переоценил свои силы. На ноги еще встал, а как шагнуть решил – повалился мне на лапы. Поднял я его на плечо.

– Ходок... Не дергайся, мне не тяжело. Айда, мы тут неподалеку в теремочке живем. Мы – это собственно я, Чудо-юдо островное, беззаконное. Кот Баюн, говорящий, как в сказке, – вот он, рядом идет. А там Рудя пылит, тьфу, то есть Рудольф Отто Цвейхорн фон Готтенбург, саксонец, рыцарь Фатерляндского ордена. Эй, ты там жив еще?

– Угу...

– Рудя! – крикнул я. – Иди вперед, подбрось полешек в печь!

Отто расслышал, кивнул и побежал короткой дорогой, однако пару раз оглянулся на труп Торфина. Не удержавшись, оглянулся и я, борясь с запоздалой тошнотой.

* * *

Хоронил я викинга в одиночку, никого с собой не взял. Ребята, кажется, не поняли меня, но спорить не стали.

Я собрал Торфина воедино, завернул в распоротую мешковину вместе с его топором и отнес на скалы западного берега. Туда же отнес два бревна и доску от борта драккара. Из дома приволок смолистых поленьев и растопку.

Хлипкое плавсредство я привязал к берегу в месте, где скала закрывала его от брызг. И только когда огонь охватил всю конструкцию, разорвал веревку и подтолкнул багром. Волны подхватили «погребальный катамаран» и вмиг унесли в гущающуюся тьму.

Его звали Торфин Троллялауд Рангарсон. Сиречь Торфин Рагнарлович по прозвищу Тролля шкура. Он принадлежал к странному народу, который сам себя именовал «сэманнами» или «драккманнами» – народа, которого я из истории помнить не мог, ибо его просто не было в нашем мире.

Шведские и датские короли, на протяжении нескольких столетий озабоченные в первую голову взаимными территориальными и акваториальными претензиями, однажды спохватились, что слишком уж сноровисто шастают мимо них новгородцы по морю. Литвинов, французов и англичан тоже хватало. Владение проливами Эрес Унн и Каттегат, конечно, давало преимущества, но уже в проливе Скагеррак заправляли осмелевшие британцы. По большому счету, обе короны, конечно, могли бы обойтись и двумя проливами, чтобы задушить хотя бы восточноевропейскую торговлю – это и по Западу бы ударило. Но открытая конфронтация шведов и датчан не прельщала: воевать со всем континентальным побережьем у них силенок не хватило бы.

И решили короли обойтись не войсками, а скрытыми резервами. Бунтарей хватало с избытком в обеих державах, среди соседних норвежцев других, по-видимому, вообще не было. Свободолюбивым асоциалам, владеющим своими кораблями и командами, было неофициально предложено отпущение грехов и несколько уютных заливчиков на халландском берегу в обмен на честное-пречестное слово грабить не всех подряд, а тех, насчет кого будут даны особые рекомендации.

Любовь к свободе – штука весьма своеобразная. В чистом виде существует недолго, как правило, быстро заменяется потребностью приобретенную свободу выгодно реализовать. Асоциалы решили, что предложение властей достаточно выгодное. И дело завертелось.

За десять-пятнадцать лет в Халланде, области на юге Швеции, возникла довольно развитая инфраструктура, включающая в себя базовые поселения, укомплектованные ремесленниками для ремонта судов и оружейниками для снабжения команд, торговую сеть, ориентированную на скупку награбленного, и простую – в духе времени, – но эффективную сферу услуг.

Для оптимизации процесса отпущения грехов был даже создан специальный Халландский епископат, действующий в рамках особой, Халландской же, унии, якобы способствующей

поэтапному обращению язычников. Дело в том, что дракманнам не особо возбранялось придерживаться старых верований. Хотя язычество фактически уже умерло, новоявленные корсары обрадовались: сохранившиеся в сагах элементы единичского культа прекрасно подходили для оправдания образа жизни.

В дракманны в основном шли непокорные кланы, дотоле укрывавшиеся от преследования властей в Дании, Швеции, Норвегии и даже Исландии. Но со временем стали встречаться там и ирландцы, шотландцы, валлийцы; немцы, поляки и русичи всех мастей; молдаване, латы, эсты – короче говоря, все, кто на родине слишком нервничал, ощущая, как подбирается к ним пристальный взор закона.

Из этого гремящего сплава медленно, но верно образовывался новый этнос.

* * *

– И все язычники?

– Кто как, – ответил Платон, сидя у печи и прихлебывая сбитень. – По большей части да. Норманнов-то все же поболее прочих. Ну церквам латинским кланяются для порядку, патеров не ругают – вот и все их «обращение». Каждый по своему обычаю живет. Капищ не рубят, обряды по домам справляют.

– А что же ты Торфина божьим человеком назвал? – поинтересовался кот.

– Почему не назвать? – невозмутимо ответил новгородец. – Все на свете Богом созданы, а значит, все Господу угодны.

– Фальшь иртум, – немедленно отреагировал Рудя. – Это есть несомненен...

– Дай человеку отдохнуть, – прервал я его.

А глаза-то у Руди горят... Нашел свежие уши, даром, что варварские! Впрочем, для него хуже юде все равно никого нет, на юде он бы и негру жаловался, расист-самоучка.

– Да я и так отдыхаю, – улыбнулся Платон. – Спасибо вам, люди и нелюди добрые, спасли душу православную. Опосля же плавания на доске мне ничто не в тягость. Так о чем ты хотел сказать, Рудольфий?

– Я могу доказать, что есть народ, не угодный для Бог, – торжественно объявил фатер-ляндец. – Это есть эйн-цвей-дрей.

Едва ли он прямо сейчас доказательства свои придумал. Вернее всего, давно ждал случая высказать их мне, да повода не было.

– Не может быть, – с мягкой уверенностью, которая отнюдь не исключает возможности спора, сказал Платон.

Воодушевленный его тоном, Рудя приступил к очередному «еврейскому разгрому».

– Эйн, – стиснув кулак, он отогнул большой палец. – Кто бил до приход Спаситель верящий истинный Бог?

Лично мне пришлось секунду-другую побороться со своеобразной Рудиной грамматикой. Платон же, демонстрируя немалый опыт общения с иноземцами, понял его сразу.

– Иудейский народ, кто же еще?

– Я-я! Фернер [7], цвей: толко юде мог надейся на милость Божий, прочий варвар нет?

– Правду молвишь, добрый человек. И Ветхий Завет нам вещает, что Господь рукою Своею вел народ иудейский через тернии бытия...

– Sic! [8] – Рудя предвкушал победу, как рыбак, подсекающий окуня. – Унд дрей: два раз Господь истребляйт юде на корню, спасайт только по один фамилия: Ной, потом Лот. Из целий народ только дфа приличний человек! Благонадежность семейств и то под вопрос, если помнить про жена Лота! И наконец кто продал Иисус? Тоже юде! Ну кто переспорить мой эйн-цвей-дрей? – Он обвел аудиторию торжествующим взглядом.

Я только вздохнул, кот коротким мурлыком выразил восхищение стройностью рудиных умозаключений. А Платон плечами пожал и сказал:

– Споры спорить я не великий умелец, жизнь не научила. Но только, ты не обижайся, Рудольфий, тут и дите малое возразит. Ну сам посуди: может ли всемогущий Господь ошибаться?

– Абер найн! [9]

– Ну так вот и помысли: неужто по ошибке дозволял Господь иудеям род продолжить? Да и прочим людям, ибо кара небесная всех человеков постигала по грехам их великим. И уж коли сам Отец Небесный распятие Сына Своего простил иудеям, нам ли, грешным, новый суд чинить?

– Вам, грешным, нет. А честный католик...

– Тоже человек. Знаешь, Рудольфий, я свет видел. Куда только доля не бросала... И люд я разный встречал, уж ты поверь. По первости смотришь на иных: тыфу, мерзость! Бывает, и не поймешь: люди перед тобой или мороки какие. А потом пообвыкнешь, приглядишься-присмотришься... И воистину зришь, как велик промысел Господень, что столь чудно свет устроил. В каждой земле правда своя, но не бывает так, чтобы люди совсем без совести жили. А коли совесть есть – уже, значит, не пропащий человек. Уже для чего-то Господу нужен.

Впервые на моей памяти Рудя не поспешил ничтоже сумняшеся отметить встречные аргументы. Призадумался над услышанным.

Платон между тем поднялся на ноги, снял с плеч и аккуратно свернул одеяло. Натянул сухую одежду, которую я принес из волшебного сундука (стояла у нас пара таких в тереме: один выдавал на заказ роскошные парчовые кафтаны и златотканые свиты с сафьяновыми сапожками, другой – поневы да ферязи из нежнейшей тончицы. Однако сундуки стояли без дела: мы с Баюном в их услугах, понятное дело, не нуждались, а Рудя воротил нос от «варварских покровов» – сундуки работали исключительно по славянской моде). Оглядел себя и кротко вздохнул: видно было, что богатая одежда ему непривычна, но то рванье, в котором он прибыл на остров, я уже спалил в печи.

Невысокого роста крепкий мужичок лет едва за тридцать, с круглым располагающим лицом обвел нас взором синих глаз и спросил:

– Не нужно ли в чем пособить вам, добрые люди-нелюди?

– Ты отдохни сперва!

– Я не устал, Чудо-юдо.

– Устал, еще как устал, – гипнотически мурлыкнул кот. – Ты очень хочешь спать.

Не думаю, чтобы ему пришлось применять какие-то свои волшебные свойства, если они у него были. Усталость, а теперь еще сытость и тепло сделали свое дело, веки Платона неудержимо поползли вниз. Кот вызвался проводить его в отведенные покои. Мы с Рудей остались допивать сбитень.

– Что скажешь о Платоне? – спросил я.

– Человек как человек, ничего особенни, – ответил саксонец. – Обични мюжик.

Ага, кому он лапшу вешает... За версту видно: зацепил его чем-то новгородский скиталец, смерд, еретик и вообще представитель низкой нации.

А может, все гораздо проще? Прожив без малого полгода в обществе сказочного кота и не шибко сдержанного чудовища, дер brave рыттер был рад просто человеческому лицу?

О таких Платонах романы пишут. То есть раньше писали, сейчас это не модно. Огромные такие романы на пятьсот страниц под серыми обложками с золотым тиснением. С первой частью, описывающей солнечное детство и трудовое взросление героя, с частью второй, посвященной мытарствам, и третьей, в которой нисходит на героя классовое сознание: мол, пока пролетариат не возьмет власть в свои руки, так и будут меня угнетать и притеснять. Однако идейная сторона таких романов не любит пессимизма, и часто к финалу герой таки воссоединяется со своей возлюбленной и устраивается жить-поживать, добра наживать – и ждать, пока в окружающих классовое самосознание пробудится.

Слушая рассказы Платона, я как-то подумал: вот найдет тоска, сяду и напишу про него. Потом, конечно, остыл. Соцреализм с его запахом пота и дегтя, с жарким солнцем над пашней и покосившимися бедными халупами (прочные избы соцреализм допускает только у мироедов, а народ загоняет исключительно в покосившиеся халупы), как нетрудно заметить, не в моде. А другого литературного направления, которое позволило бы написать подробную, вдумчивую сагу о жизни простого новгородского ремесленника, изобрести никто не поспешил.

Толстой, тот или этот, наверное, порадовался бы такому сюжету, да только перевелись Толстые.

Что же, учитывая антураж, делать Платона героем фэнтезийного боевика? Ну нет – это ж придется врать напрапалую. Не размахивал Платон мечом, не побеждал колдунов и тиранов, не заливал кровью Османскую империю. Если причины для подобных безобразий у него еще могли возникнуть, то желания – никогда. Не Конан он. По сложению не только тела, но и души. И волшебные чудеса с ним нечасто случались.

Фэнтези или, в крайнем случае, псевдоисторическую приключенческую авантюру надо про Рудю писать. Только я этим сроду не займусь: не хватало еще способствовать распространению фашистского идиотизма.

Про кота и речи нет, он для сказки создан. Правда, пока не знаю, для какой. Но сказки я писать не умею.

Для всего остального, впрочем, тоже опыта маловато. Нет, попробовать можно, но... Как уже отмечалось выше, Толстые-то перевелись...

И с чего я вообще задумался о книге?

* * *

– Это что? – спросил Рудя, указывая на пятна, расплзавшиеся по наплечнику.

– Это? А, это я еще не чистил, – ответил Платон. – Да, а башмачку-то кон пришел...

– Почему? – Саксонец вырвал у него из рук саботон и посмотрел на подошву.

– Да нет, вот сюда гляди. Видишь, на стыке вусмерть проржавело? Ничего не попишешь, воздух туточки сильно влажный. Да и железо, правду сказать...

– Железо хорош! Это лючий железо из лючий кузница ордена!

– Лючий, говоришь? – усмехнулся Платон. – Эх, была бы здесь кузенка... Ну просто наковальня с молотом, печь-то я б сложил, меха бы сшил... Вот тогда бы ты посмотрел, как железо ковать надо.

– Щит и меч, – хмуро ответил Рудя. – Весь остальной не жалько, но щит и меч надо сохраняйт.

– А я сразу говорил...

– Начисти до блеска...

Я подкрался незаметно.

– Рудя!

Фатерляндец подпрыгнул на месте и резко повернулся:

– А я что, я ничто! Он сам предлагайт помогайтен...

– Правда, Чудо, мне же не в тягость человеку помочь, тем паче дворянину.

– Да Бога ради! Только почему-то мне кажется, что Рудя опять забыл сказать волшебные слова «пожалуйста» и «спасибо».

– Я как раз собираться! – покраснел Рудя и заставил себя поблагодарить смерда: – Большой спасибо тебе, добрый рус, за бескорыстен помошчь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.